

Заблудившиеся

30 В НОЧИ

ДЖ.К. ВАЛЕНТАЙН

Дж. К. Валентайн "Заблудившиеся"

Название: "Заблудившиеся"

Автор: Дж. К. Валентайн

Серия: "Зов ночи" #1

Перевод: RyLero4ka

Сверка: Internal

Редактура: Анастасия Палихова, VolkovaM

Вычитка: VolkovaM

Аннотация:

Однажды обжегшись, Феликс Синклер достигает всего, но клянется никогда в своей жизни не вступать в серьезные отношения ни с одной женщиной. После долгого трудового дня он с нетерпением стремится попасть в шикарную квартиру в городе. Когда Феликс сворачивает на проселочную дорогу, чтобы сократить путь, последнее, что он ожидает, — застрять в кювете во время ливня или попасть в объятья прекрасной женщины.

Недавно разведенная, безработная, без друзей и абсолютно одинокая Поппи Монтгомери изо всех сил пытается убедить себя, что жизнь в одиночестве — это все, что ей нужно. Но в ее жизнь врывается прекрасный незнакомец. И летят искры. Когда они вместе переживают бурю, их внезапное влечение кажется идеальной возможностью окунуться в ночь страсти, но хватит ли одной ночи, чтобы удовлетворить их жажду друг к другу?

Глава 1

Небо было темное, как смоль, слабый отблеск луны над головой затмевали черные тучи, предвещающие грозу. Машина скользила по прерывистой линии дорожной разметки. Грузовик, едущий навстречу, засигналил, и Феликс Синклер резко повернул на свою сторону ухабистой дороги, вывернув руль и ненароком направив автомобиль в сторону кювета.

— Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

Переключая рычаг коробки передач, Феликс пытался выровнять машину, но умудрился лишь направить ее в противоположном направлении: через дорожную разметку посередине, едва не зацепив километровый отражательный знак на обочине дороги.

Накренившийся автомобиль перебросило через ограждение, и он полетел вниз в заросли камыша и высокой травы. При столкновении Феликс ударился лбом о руль, а затем его голову сильно отбросила назад сработавшая подушка безопасности, чуть не сломав ему нос, прежде чем он потерял сознание.

Первое, что он почувствовал, очнувшись, была раздирающая боль в боку. А еще ощущение сильно распухших десен, словно его ударили в челюсть. Застонав, он попытался оттолкнуть подушку, закрывавшую лицо. Сначала он подумал: что же так болело? Неужели он вчера напился с друзьями и в конце вечера подрался? Это бы точно объяснило, почему его рот так распух, будто по нему прошлись с неравенством два к четырем. Или, возможно, та новая тренировочная программа, которую Марко предложил в тренажерном зале, стала этому причиной. Это бы объяснило, почему каждый сантиметр его тела вопил от малейшего движения.

Что бы ни послужило причиной, ничто не могло объяснить, почему он ощущал себя так, словно спал в вертикальном положении и замерз в собственной кровати.

И почему чертова подушка не прекращала его душить!

Отпихнув от себя подушку, Феликс смог выглянуть за пределы окутывающей его белой материи и критически осмотреть, что его окружало.

Какого черта он делал в своей машине?

Внезапно на него снизошло озарение. Грузовик, сигнал, пересечение дороги. Авария.

Он возвращался с конференции писателей, уставший и изнуренный мероприятием, длившимся неделю, из-за которого у него была ужасная бессонница, сухость и опухлость глаз. Он не мог спать вне дома и поэтому обходился менее чем тремя прерывистыми часами сна в сутки. Ему помогал держаться только кофе, но как только его обволокло тепло машины, а роскошные кожаные сиденья с любовью убаюкали его тело, он постоянно боролся с тем, чтобы не закрыть глаза.

Он предпринимал все мыслимые попытки, чтобы не уснуть: открывал окна, чтобы впустить в салон порывистый осенний ветер, включал музыку на полную мощность, бил себя по щекам. Хотя ничто не сработало. Очевидно, его веки снова отяжелели, и он подумал, что тряска по ухабистой дороге приведет его в сознание. Это было устрашающим, но он действительно считал, что сможет преодолеть последний час езды, и, как только увидит огни города, он будет дома, на пределе лавируя в непрерывном потоке дорожного движения, что не позволит ему вновь провалиться в сон.

Очевидно, он ошибался.

Проехав не более пары километров по проселочной дороге, которая гарантировала сократить расстояние вдвое по картам "Google", он потерпел поражение в битве. Теперь, застряв в машине в кювете на обочине дороги, он проклинал интернет и его пустые обещания.

Телефон. Ему нужен был телефон.

Запустив воспаленные пальцы под стягивающий его ремень безопасности, Феликс неуклюже пытался достать Айфон из кармана брюк. Найти прорезь оказалось настоящим испытанием, и Феликс еще сильнее выругался, собрав все свои силы, чтобы разорвать материю. В конце концов, его пальцы нащупали знакомый гладкий пластиковый чехол, и силы вновь прихлынули.

Вытащив телефон из кармана, он поднял его к лицу... и снова заматерился. Экран треснул ровно посередине, но затем Феликсу пришло на ум, что это вовсе не означало, что он сломался. Нажатием кнопок ему удалось зайти в контакты, но, как только он нажал "Отправить", экран потух. Именно теперь Феликс вспомнил, что во время конференции выключил почти разрядившийся телефон, так как, будучи идиотом, забыл взять с собой зарядку.

Неужели эта ночь могла стать еще хуже?

Очевидно, да, поскольку, когда Феликс набросился на подушку безопасности, которая все еще сильно давила ему на грудь, получилось так, что он сдвинул машину с ее опасного положения, и в следующее мгновение он осознал, что стоял на голове, упираясь руками в потолок авто, чтобы не свернуть себе шею.

Леденящая вода хлынула в открытое окно, и по телу Феликса пробежала небольшая дрожь. Кровь прильнула к голове, и он слышал, как сердцебиение пульсировало у него в ушах.

Ему нужно было выбраться отсюда и найти помощь.

Рукой он постарался нащупать пряжку, которая удерживала его навесу. Когда он нащупал небольшую квадратную кнопку, то изо всех сил нажал на нее и услышал удовлетворяющий щелчок, прежде чем вес его тела переместился на его голову. Уже уставшие руки были слишком слабы, чтобы удержать внезапно обрушившийся вес, и Феликс оказался в странном, болезненном свернутом положении с промокшими плечами, пытаясь дышать равномерно, чтобы не нахлебаться воды.

Он не был уверен, как ему это удалось, но благодаря небольшим покачиваниям и тяжелому дыханию ему удалось вытащить ноги из-под приборной панели и вывернуться. Теперь, когда кровоток вернулся в свое нормальное состояние, в голове стало проясняться и он смог оценить окружающую обстановку.

Было слышно, как капала вода, а следом за этим звуком и небольшой ручеек стекал по его ботинкам. За окном было все еще темно, и он был один. Ни телефона. Ни помощи. К счастью, он ранее опустил стекла, что давало ему единственный путь для спасения. Протиснувшись сквозь узкое отверстие, Феликс высвободился из машины. Стоя на улице, он смог рассмотреть, что действительно съехал в кювет. Плотная завеса деревьев служила окружающим пейзажем. Когда он посмотрел вверх, то обнаружил единственную открытую дорожку, разглаженную гладкими шинами.

Все, что ему нужно было сделать, — взобраться.

Страдальчески вздохнув, Феликс ухватился за охапку бурьяна и подтянулся. Его обувь соскальзывала на пути вверх, поэтому он решил не хвататься за траву, поскольку ее неглубокие корни легко вырывались, а пальцами вкапываться в землю.

Наконец-то взобравшись наверх, с учащенным дыханием и горячей кожей от сильного холода, Феликс выпрямился, чувствуя себя победителем, как альпинист, который взобрался на вершину. Он ощущал себя так, словно был готов кричать в ночное небо с гордостью и воодушевлением.

Это чувство быстро сошло на "нет", когда в этот момент небеса разверзлись и излили на него свою жестокость.

— Ой, да ладно! — От шедшего ливня вся его одежда промокла, а волосы прилипли к лицу, Феликс вскинул вверх руки в недоумении. Эта ночь становилась все лучше и лучше, подумал он и пустился в дорогу.

Глава 2

Пронзительный свист чайника заставил Поппи высунуть нос из нового романа, который она приобрела утром в аптеке-закусочной. Отбросив с колен покрывало, она встала и положила книгу на подлокотник дивана. На мгновение она застыла, уставившись на восхитительную мужскую фигуру, которая украшала обложку. Прошло много времени с тех пор, как она в последний раз была в объятиях мужчины, вкушала его настойчивые губы или ее язык танцевал по выступам мускулистого живота.

К сожалению, после того ада, через который она прошла с Джимми до, во время и после развода, если она и положит глаз на другого мужчину — это все равно всегда будет слишком рано. Он выжал ее как в эмоциональном, так и в финансовом плане. Этот мелкий подонок оставил ее ради едва законной подружки и втянул в оплату адвокатского гонорара и множества налоговых задолженностей и кредитных долгов, которые, если ей повезет, она сумеет выплатить до ухода на пенсию. Поэтому, как только было достигнуто соглашение,

судья постановил разделить все имущество пополам — Поппи заложила все, что имелось в доме, продала сам дом по заниженной рыночной стоимости и передала право собственности на минивэн, а затем начала искать новое место жительства.

Она неожиданно для себя приобрела недвижимость в викторианском стиле, которая нуждалась в ремонте. Дом располагался в двух километрах от центра города на сплошном куске земли и без единого соседа в поле зрения. Это означало, что ей необходимо было выезжать в город за всем необходимым, но это надежно удерживало ее от соблазна. Кто же захочет так долго ехать на свидание? И, что более важно, в любом случае, как только она закончит мыкаться между работой и поездками по делам, она будет слишком усталой, чтобы принять предложение.

Это было идеально.

Однако вскоре она осознала, что за городом может быть довольно-таки одиноко — одна, без единой души, с которой можно поговорить. Она нечасто звонила, а интернет-соединение здесь было дерьмовым, поэтому она не могла никому написать на электронную почту. В попытке нарушить тишину она купила себе компаньона в лице Бо, огромного добермана с золотым сердцем. Он был собакой-спасателем, и его прошлое над ним надругалось. Неровный шрам, пробежавший от уголка левого глаза к губе, придавал ему свирепый вид, но он был милашкой. Они быстро подружились, и, когда он не сторожил крыльцо, чем занимался в данный момент, всегда находился рядом с ней. С Бо ей не нужен был мужчина. Он был прекрасным товарищем, всегда благодарным, не дерзящим и любящим объятья. Чего еще могла желать разведенная женщина?

Свист чайника достиг апогея, и Поппи вздохнула. Напоследок мимолетно взглянув на мускулистого ловеласа, она широким шагом направилась на кухню. Пар взвился к потолку, когда она сняла чайник с плиты и повернула ручку, чтобы погасить пламя. Подтянув поближе кружку с маленькими синими цветочками, Поппи налила кипяток, затем погрузила чайный пакетик и стала помешивать его ложкой, пока вода не окрасилась в насыщенный красно-коричневый цвет.

Нырнув обратно на диван, согревая пальцы о теплую кружку, она еще раз взглянула на книгу. "Если бы только мужчины были такими же крепкими и вкусными, как те, которых описывали в романах", — с тоской подумала она. Это напоминало партию товара, выброшенного на рынок: когда продавалось одно, а после доставки оказывалось совсем другое. Ей еще предстояла случайная встреча с мужчиной ростом больше двух метров с высеченными выпуклыми мускулами и грубоватой красотой, который был в поисках женщины, с которой он мог бы осесть, чтобы завершить жизненную миссию — быть абсолютно лояльным и довольным своей жизненной долей.

Просто, насколько она знала, они не существовали.

Но девушка могла помечтать. Найдя страницу с загнутым уголком, как она обычно отмечала эпизод, на котором остановилась, она принялась читать.

"Малколм широким шагом вошел в хижину, легкий ветерок развеивал его килт.

— Иди сюда, девчонка, — грубо приказал он, капли пота сверкали на его тяжело вздымающейся груди.

Эффи затрепетала от созданного им образа, свет падал из открытого дверного проема, из-за чего его лицо оставалось в тени, кончики волос пылали в пламени, что придавало ему вид ангела-мстителя. По ее телу разлился жар, каждая клеточка затрепетала, Эффи стрелой бросилась в его открытые объятья и испытала удовольствие от припавших к ее губам устам.

Застонав..."

От удара грома Поппи была вне себя. Положив руку на колотившееся сердце, она попыталась справиться с дыханием. Усиленно выдохнув, она опять сосредоточилась на романе.

"Застонав, Эффи откинула голову назад, в то время как Малколм прошелся языком вниз по ее горлу, останавливаясь, чтобы всосать и куснуть нежную плоть. Запустив пальцы в его волосы, она повторила..."

Внезапный резкий лай Бо послужил еще одним шоком для ее нервной системы. С долей раздражения она подумала, что он расположился на крыльце прямо перед окном. Обернувшись, она раздвинула занавески за диваном как раз вовремя, чтобы увидеть, как вспышка молнии, сопровождаемая громом, рассекла небо, осветив ночную мглу. Быстро заморгав, Поппи посмотрела на крыльцо, заметив, что Бо стоял в стойке на верхних ступеньках.

— С чего это ты так взвился? — вслух поинтересовалась она. Бо не принадлежал к роду пугливых. По правде говоря, казалось, что он любил грозы почти так же, как она, но сейчас он выглядел встревоженным и возбужденным, если вздыбленная шерсть на спине была признаком такового.

Чуть погодя еще один раскат грома и вспышка молнии раскололи небо, и Поппи показалось, что она заметила что-то вдалеке. Встав теперь на колени и прижавшись носом к стеклу, она приложила руки к лицу, чтобы всмотреться во всеохватывающую темноту.

О да, однозначно, там что-то двигалось.

Она наблюдала, как нечто черное и бесформенное прошло через ворота в конце дорожки и, пошатываясь, направилось в сторону дома. Теперь Бо обезумел, его лай становился более агрессивным и непрерывным — предупреждением чему-либо убраться восвояси.

Чем ближе становилась фигура, тем больше деталей она могла рассмотреть. Например, масса теперь стала высокой и худой, с волосами и в темной одежде. Фигура вся съежилась, и Поппи поняла по прохладному воздуху в доме, что на улице, должно быть, было морозно. Сам факт того, что на улице шел дождь, еще больше отягощал положение человека.

Выругавшись себе под нос, она спиной прыгнула с дивана, высвободив ноги из покрывала и кинулась к двери. Почти не подумав о том, во что была или не была одета, учитывая обстоятельства, она стремглав открыла дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как Бо прыгнул с крыльца и бросился на новоприбывшего.

Он промок до нитки к тому времени, как первый дом показался вдалеке. Как оказалось, он был старый и почти обветшалый, от его островерхой грубой и непривлекательной крыши отражались отблески молнии, которые рассекали полуночное небо.

Феликс сощурился, не отрывая взгляда от теплого проблеска света, исходившего через одно из арочных окон на первом этаже, когда он устало тащился по лужам. Пальцы хлюпали в обуви, а английский костюм прилип к телу, но он не отводил взгляд от дома, теперь ставшим приветственным маяком.

Он уже очень сильно продрог к тому времени, как дошел до старых кованых железных ворот и сам отворил их. Его уши заложило от раската грома над головой и шума пелены

дождя, лившегося на землю.

Пробираясь вперед по длинной и извилистой дорожке, Феликс едва замечал по бокам разросшиеся клумбы или добермана, стоявшего на крыльце. Он был целеустремлен. Попасть внутрь, позвонить и попасть домой, где он нырнет в теплую пижаму и заползет в кровать, чтобы скрыться под одеялами и, в конце концов, хорошо отоспаться за ночь.

Он почти добрался до крыльца, когда собака, которую он не заметил, попала в зону его внимания, обнажив зубы и яростно рыча. Отскочив, Феликс запутался в ногах, едва удержавшись, чтобы не приземлиться на задницу.

— Х-х-хорошая с-с-собачка, — вытянув вперед руки, пробормотал он. Явно не напуганный мягким тоном, пес прыгнул с крыльца, и выражение его морды было красноречивым — он жаждал крови.

Приготовившись пуститься в бегство, чтобы спасти свою жизнь, Феликс резко остановился, когда открылась входная дверь и худенькая женщина появилась в поле зрения.

— Бо! — Она громко хлопнула в ладоши. Неожиданно притихнув, собака отвела уши назад, услышав команду хозяйки, но все ее внимание непоколебимо оставалось на Феликсе. Дождь падал холодными крупными каплями, пока они застыли в молчаливом противостоянии.

— Бо, оставь в покое бедного мужчину!

Феликс замер на тротуаре, хотя не был уверен, что этому способствовало — удерживающий его на месте страх к животному или неброская красота женщины, стоящей перед ним.

Уж точно она была симпатичной картинкой. Длинные темные волосы свисали до талии, которая сначала суживалась, а потом переходила в полные, округлые бедра. Гладкие стройные ножки выглядывали из-под короткой розовой ночной сорочки. Даже с такого расстояния он мог рассмотреть тонкие пальчики на ногах, достойные поцелуев, но это была еще не самая лучшая часть ее тела. Позволив себе скользнуть взглядом по ее маленькой фигурке, он уставился на пару полных и налитых грудей, которые торчали сквозь узкий лоскут ткани, совсем не поддерживающей их. Его голову незамедлительно заполнили картинки, как он всасывал в рот эти дерзкие соски, торчащие теперь из-за холода, и ласкал их языком до тех пор, пока она не закричала бы от удовольствия.

— Вы собираетесь стоять там весь день? — Теперь женщина стояла у края крыльца, вглядываясь на него сквозь дождь так, будто бы он потерял рассудок.

Сморгнув с глаз воду, Феликс мотнул головой, чтобы прогнать шальные мысли, прежде чем они причинили бы ему еще большие неприятности. Ночь явно вышла совсем иной, чем он надеялся, в действительности, намного хуже, и он не горел желанием навлечь на себя еще большую беду.

Прежде чем он смог вымолвить хоть слово, женщина сошла с крыльца под дождь и подошла к нему, протопав по лужам, образовавшимся на каменной дорожке. В ее глазах полыхал огонек, и внезапно Феликс почувствовал себя непослушным школьником, отвечающим маме.

Схватив его за руку, женщина потянула его, заставляя следовать за ней. Осторожно он прошел мимо огромного сторожевого пса и взошел на крыльцо. Оглянувшись через плечо, он обнаружил, что собака шла за ним по пятам, ее большая голова была наготове, чтобы откусить кусок его зада. Она угрожающе оскалилась, и Феликс ускорил шаг. Он осторожно вошел в дом, где на него обрушилось потрясающее тепло. Его провели и усадили в

деревянную кресло-качалку, а плечи завернули в теплое покрывало.

— Сидите здесь. Пойду, принесу еще пару полотенец.

Феликс не мог сделать ничего, кроме как дрожать, пока он ожидал ее возвращения. Под ним начала расти лужа, поскольку вода стекала с одежды на пол, и его немного мучили угрызения совести, что он может испортить прекрасные деревянные полы.

Подняв взгляд, он обнаружил ненавистную псину, которая сидела по стойке смирно, а ее холодные акульи глаза сверлили в нем дыры.

Феликс уставился в ответ, отмечая внушительный размер животного. Собака весила добрых килограмм тридцать пять, может и больше. У нее была широкая морда, уши обрезаны, и отвратительный шрам проходил с одной стороны морды, превратив когда-то красивого пса в чудовище. Несмотря на то, что собака явно встала не с той ноги, он полагал, что она не была такой уж плохой. Очевидно, что она была сторожем дома и, как и предполагалось, могла быть агрессивной к незнакомцам. Феликсу всегда нравились собаки, и они тоже любили его, поэтому он решил, что вежливость поможет ему уменьшить напряжение между ними.

— Здорово, п-песик. — Он прицмокнул и вытянул руку, но тотчас же отдернул, когда собака зарычала и клацнула зубами. — Ладно, может ты просто п-плохая псина, — пробормотал он сквозь постукивающие зубы и опять свернулся в клубок под одеялом. Пока он ждал, когда вернется женщина, он бдительно следил за шавкой. "Лучше держать ухо востро, чем потом сожалеть".

Как и было обещано, женщина не заставила себя долго ждать, и когда он поднял взгляд, то увидел, что она держала два плюшевых полотенца. Развернув одно, она положила его на пол под него, затем встала и окинула его взглядом.

— Раздевайтесь, — приказала она.

Феликс уставился на нее и изогнул бровь.

— Да ладно. У вас нет ничего такого, чего я еще не видела, — сказала она язвительным тоном.

— Мне б-больше н-ничего надеть, — ответил он, запинаясь, едва совладав с голосом.

— У меня есть покрывала, которыми вы можете воспользоваться. — Она скрестила руки на груди, когда он не пошевелился, чтобы исполнить приказ. — Или так, или вы можете умереть от переохлаждения. Лично у меня нет ни сил, ни инструмента, чтобы закопать ваше тело, и я не в настроении разбираться сегодня с полицией. Поэтому, ради нас обоих, давайте прекратим ссору — раздевайтесь.

Уголки его губ дернулись в усмешке. Единственное, что Феликсу нравилось в его женщинах, — это храбрость, а у этой женщины ее было в избытке. Она и собака однозначно составляли хорошую пару.

Сбросив с плеч покрывало, дрожащими руками Феликс дотянулся до кромки рубашки и начал тянуть материал изо всех сил. Не сказав больше и слова, женщина склонилась перед ним на колени и начала развязывать шнурки на обуви.

Глава 3

Поппи пыталась следить за поставленной задачей. А именно — за снятием каждого клочка одежды с, как оказалось, очень симпатичного мужчины. Когда она сошла с крыльца и ринулась под дождь, чтобы затащить его в дом, у нее почти перехватило дыхание. Перед собой она обнаружила не безликую массу на ногах, а высокого красивого парня с иссиня-

черными глазами и точеной приятной внешностью. Теперь, когда они стояли в освещенной комнате, она могла видеть, что мужественность распространялась далеко за пределы одного лишь лица. От кончика носа и до рельефного пресса мужчина был словно музейный экспонат. Он совсем был не похож на Малколма, шотландца из низкопробного любовного романа, в данный момент расположившегося за нею на подлокотнике дивана. Наоборот, мужчина перед нею был спортивного телосложения, сильный, крупный, с подтянутыми мускулами, которые выпирали во всех положенных местах, но не выглядели чрезмерными.

Она не осознала, что перестала раздевать его, пока он не щелкнул пальцами у нее перед лицом.

— У-увидела что-то, что тебе понравилось? — спросил он.

Боже, этот голос был сексуально привлекателен. Он был низким и хриплым из-за погоды, и поэтому мужчина напоминал ей вокалиста "Kings of Leon", за исключением того, что не походил на типаж, склонный к пению. Слишком опрятный. Слишком культурный. Он все еще пристально смотрел на нее в ожидании ответа. Еще раз, что он спрашивал? Ох, да, он хотел, чтобы потешили его самолюбие. Что ж, к его сожалению, она была не в настроении смириться.

— Ну, ты не чемпион по уничтожению рубашек. — Она позволила словам повиснуть в воздухе, получив удовольствие, когда заметила признаки румянца, который поцеловал его щеки. Хорошо, поскольку не только ей одной стоило смущаться от происходящего.

Встав на ноги, Поппи поманила его руками, показывая, что он тоже должен встать.

— Снимай трусы.

— Н-не думаю, что ты действительно этого хочешь, — сказал мужчина в нерешительности. По крайней мере, его дрожь исчезла.

— Я же сказала тебе, — раздраженно ответила Поппи. — Ты ничем меня не удивишь.

— Верно. — Он сжал губы, и они долгое время окидывали друг друга взглядами с ног до головы, пока в конечном счете на лице мужчины не промелькнула решительность, и он засунул пальцы за пояс резинки и потянул трусы вниз. Поначалу промокшая ткань не поддавалась, но затем под натиском усилий они плюхнулись на пол.

Поппи изумленно уставилась на него. Реально уставилась. Принимая во внимание, через какие холодные погодные условия пришлось пройти мужчине, она полагала, что некоторые части его тела будут просто "висеть в нерабочем состоянии", но вместо этого они были во всей своей красоте — довольно тяжелая ноша, чтобы носить ее изо дня в день. Чтобы удивить Поппи, требовалось приложить довольно много усилий, но в этот раз она была поражена.

— Я думал, ты все в-видела, — с иронией произнес мужчина.

Переключив внимание, Поппи отвела взгляд от его члена и начала быстро подбирать с пола мокрую одежду.

— Так и есть, — упорно ответила она.

— Чего ж глазела? — допытывался он.

Она стояла неподвижно, выпрямив спину.

— Я не глазела, — негодуя ответила она.

Ухмылка пронзила черты его лица.

— Глазела.

— Неправда.

Странное выражение промелькнуло на его лице, и он покачнулся. Уронив кипу одежды,

Поппи схватила его за руки и помогла опять сесть в кресло. Его снова сотрясала дрожь, а полные губы окрасила синева. Бо покровительственно встал рядом с нею, но она отогнала его прочь. Ему не нравилось, когда возле нее находились незнакомцы, но ему следовало смириться с этим.

— Тебе нужно быстро согреться, иначе ты впадешь в шоковое состояние. Оставайся здесь. — Бросив его, Поппи ринулась вверх по ступенькам в ванную комнату, желая, чтобы в старом доме была еще одна ванная и желательно на первом этаже. Каким образом она собиралась затащить парня таких габаритов наверх? Она пришла к выводу, что нужно решать проблемы по мере их поступления.

Открыв краны, она сделала воду теплой, затем заткнула слив и опять поспешила вниз.

Феликс сильно обернул теплое покрывало вокруг плеч. Мощная дрожь утомила его мышцы, и он начал ощущать переутомление. Голова раскалывалась, и ему было ужасно холодно. И эта чертова собака продолжала пристально наблюдать за ним, как будто он был спинной частью говяжьей туши.

Чтобы абстрагироваться от холода и возможности быть съеденным заживо, он устремил свои мысли на женщину, чье имя так и не удосужился спросить, но пообещал себе, что вскоре узнает.

Она сделала очень опасную вещь: привела абсолютного незнакомца посреди ночи в дом. Как ему показалось, мужчина в доме не обитал, что делало ее еще более уязвимой. Да, у нее была собака, но как она бы справилась, если бы у незваного гостя оказалось оружие? Он даже не был уверен, почему это в самом деле его волновало. Дело было не в том, что он был убийцей с топором, но произошло что-то странное, когда он посмотрел на нее при достаточном освещении. Ошеломляющая потребность защитить ее зародилась в нем, наравне с другой, более примитивной потребностью овладеть ею всеми возможными способами.

Она была маленького роста с деликатными чертами. У нее были большие карие глаза, обрамленные пушистыми и изогнутыми ресницами. Тонкий нос, немного утолщенный на кончике, он находил весьма сексуальным, хотя всегда относил себя к мужчинам, обожающим женские груди. Его первое впечатление о ее соблазнительном теле подтвердилось до мелочей, что было бонусом, и он не мог удержаться от фантазий, когда заметил, что она разглядывала его тело, как будто хотела тотчас же переспать с ним. Он желал повиноваться, но затем его тело выполнило некий финт, словно он был изнеженным маменькиным сынком, и следом он осознал, что превратился в "спящую красавицу".

Как унизительно.

Он уже подумал, что ночь наконец-таки начала улучшаться, но стало до боли очевидно, что все только лишь набирало обороты.

— Ванна наполняется, — сказала женщина, миновав последнюю ступеньку. — Идти можешь?

Феликс поднял голову и обнаружил, что хозяйка дома стояла у лестницы. Черт возьми, она даже не потрудилась переодеться. Все еще одетая в ночную рубашку, с обнаженной кожей, влажными волосами после пребывания на улице, она выглядела так, словно только что вышла из мира грез. В любое другое время и в другой ситуации он бы не преминул воспользоваться возможностью затянуть ее в постель. Его тело вернулось к жизни, и Феликс потуже затянул на себе одеяло, чтобы скрыть доказательство этого.

Она стала у стены, и Феликс мог сказать по ее жесткой позе и бескомпромиссному

выражению, что она опять перешла в деловой режим, что абсолютно его устраивало, кому-то здесь следовало быть взрослым. Ему не нужны были еще большие неприятности от проведенного времени в постели с женщиной. Судя по тому, как развивалась ночь, она могла оказаться той, которая "преследует" мужчину, и приблизительно через неделю ему пришлось бы спасать свою жизнь от адской кровавой расправы, а он был слишком изнурен, чтобы иметь дело с этим в данный момент. Все, что ему было нужно, — согреться, обсохнуть, добраться до телефона, чтобы вызвать буксировочный грузовик, и в итоге попасть домой.

— Аууууу. — Она помахала руками в воздухе, чтобы снова привлечь его внимание.

Феликс несколько раз моргнул, прежде чем встать на ноги. Это была борьба, но в этот раз ему удалось устоять.

— Ага, могу идти.

Сказав только "хорошо", она отступила назад, наблюдая, как он волочил ноги по полу, и начала подниматься по лестнице с Бо, шагающим у него по пятам.

В конце концов Поппи пришлось помочь мужчине преодолеть половину длинного лестничного пролета. Его ноги дрожали, когда они достигли второго этажа, а кожа стала пепельного цвета. "Сколько же он находился на улице при такой погоде?" Она не была экспертом, но ему было во стократ хуже, чем просто промокшему и переохладившемуся человеку.

Когда они вошли в ванную комнату, ванна была уже наполовину заполнена, Поппи прислонила мужчину к стене, чтобы закрыть кран.

Погрузив пальцы в воду, чтобы проверить температуру, она подумала о том, что он пребывал в ее доме всего полчаса, а она уже видела его обнаженным и приготовила ему ванну, но даже не знала, как его зовут.

— Прежде чем продолжим, скажи, как тебя зовут? — спросила Поппи через плечо.

Он с приятным изумлением хмыкнул.

— Только поняла, что у тебя в доме незнакомец и у тебя вообще нет информации, которую ты можешь предоставить копам, если окажется, что он — преступник и насильник?

Глаза Поппи округлились, и она повернулась к нему.

— А ты им являешься? — Об этом она даже не подумала. Боже, какой же идиоткой она была! Джимми всегда ругал ее из-за того, что она была слишком доверчива к людям, и она полагала, что он был прав на этот счет. В конце концов, она каждый раз верила ему, когда он говорил, что будет работать допоздна. Что ж, теперь она была опытна. Или, по крайней мере, считала себя таковой, пока не совершила эту большую оплошность.

— Являюсь ли я кем? — спросил мужчина, уголок рта дернулся в усмешке, а в темных глазах шутливо плясали огоньки.

Ей действительно не стоило находить его привлекательным сейчас, принимая во внимание, что он мог оказаться беглым заключенным или кем-то в этом роде. Даже не имело значения, что он был белым, словно стена позади него, или что его губы посинели, поскольку из-за того, как его взгляд блуждал по ней с неприкрытым вожделением, Поппи ощущала покалывание, которое поднималось от кончиков пальцев на ногах и разливалось меж бедер.

Прошло много времени с тех пор, как мужчина смотрел на нее так. Словно был готов съесть ее.

Уловив себя на этой мысли прежде, чем она могла поддаться его очарованию, Поппи сознательно стиснула зубы и прищурилась, глядя на него.

— Ты преступник? Не похож, но то же самое говорили о Теде Банди¹, перед тем как нашли трупы.

Он издал небольшой гортанный смешок.

— Нет, я не преступник. Меня даже никогда не арестовывали, но ты правда считаешь, что я бы признался, если бы был убийцей?

Она предположила, что он не признался бы, и, по правде говоря, не причисляла его к преступникам. Одна только одежда: пиджак, брюки и рубашка на пуговицах — говорила о многом. Он излучал власть и явную мужественность, как будто бы он владел комнатой, всем и всеми, кто находился в ней. Вел себя непринужденно, что было очевидным по тому, как он прислонился к стене перед ней, словно ему было наплевать, что он был в том, в чем мать родила, и только лишь одеяло скрывало его от ее взгляда. И отчего же ему было смущаться? Несмотря на многочисленные ушибы, от его вида текли слюнки, она чувствовала, что он тоже знал об этом. Если бы ей нужно было определить, чем он занимается, то ему бы подошел офис где-то в многоэтажном здании, где перед ним отчитывались люди и никак иначе.

Что ж, из-за развода Поппи была презренной женщиной, она никому не отвечала взаимностью.

— Залезай в воду, — сказала она, показав пальцем на ванну.

Он нахмурился, услышав ее тон. Очевидно, что мужчина испытывал проблемы с осмыслением внезапной смены ее настроения, но, являясь мудрым человеком, не прокомментировал это изменение.

Выровнявшись во весь рост, он сбросил с плеч покрывало, и Поппи почти с замиранием наблюдала, как оно полетело на пол, растекшись лужицей у его ног. Источая недюжинную самоуверенность, мужчина осторожно прошел мимо нее, рассчитывая каждый свой шаг, все еще умудряясь выглядеть так, словно все было под его контролем, и погрузился в воду, издав вздох, который был воспринят Поппи как проявление нежности.

У Поппи почти потекли слюнки, но ее восхищение быстро сменилось обеспокоенностью, когда ее взгляд упал на бледные синяки, усеявшие его руки, грудь и спину. Как же раньше она их не заметила?

— Что произошло? — Прежде чем она могла остановиться, Поппи расположилась у ванны, ее рука воспарила над его грудью. Осознав, что собиралась сделать, она отдернула конечность, словно обожглась. — Гм...

Он просто осмотрел себя, нахмурившись, когда увидел повреждения.

— Попал в автомобильную аварию, — просто пояснил он, касаясь особенно большого синяка на ребрах, который грозил позже превратиться в нечто похуже.

Поппи охнула.

— Автомобильную аварию? Именно поэтому ты находился на улице?

Потеряв интерес к ушибам, мужчина положил голову на край фарфоровой ванны и закрыл глаза.

— Это были длинные выходные, и по дороге домой я задремал и потерял контроль над управлением. Следующее, что помню, — я проснулся в канаве. Твой дом был первым, встретившимся мне на пути.

Что ж, услышанное ее не удивило. Дом располагался в глуши, где в поле зрения на километры не было ни души. Это была небольшая деталь, которая подкупила ее, но теперь она засомневалась, не ошиблась ли она. А что, если бы это она съехала с дороги?

Проселочные дороги хорошо не освещались. Освещения фактически не было вовсе, поэтому такое могло легко произойти. Прошло бы много времени, прежде чем кто-то проехал бы мимо, чтобы помочь ей.

— Разве у тебя нет мобильного телефона? — спросила она.

— Сломался.

Ее начала раздражать сама идея того, что он был в опасности без вспомогательных средств, ничего подобного могло не произойти.

— Какого черта ты делал на дороге в такую ночь, если не мог держать глаза открытыми? — требовательно спросила она, прислонив кулаки к бедрам. — Ты мог не только сам погибнуть, но и убить кого-то!

Его глаза распахнулись и сосредоточились на ней.

— Но я никого не убил, — ровно произнес он.

— Но мог, — прорычала она, сузив глаза. Он нисколечко не испугался.

— Но. Я не убил, — пророкотал он, отчетливо выделяя каждое слово.

— Мне следует позвонить в полицию, — сказала Поппи, повернувшись, чтобы уйти. Если его машина была в кювете, кто-то мог наткнуться на нее и обеспокоиться, не найдя водителя. Что, если дома его ждала семья? Мысль о красивой женщине, ждущей его, и, возможно, парочке детей по какой-то причине не пришлась ей по душе, но она отбросила это ощущение, напомнив себе, что знала об этом мужчине ничтожно мало.

— Подожди минутку. — Он поймал ее за запястье и потянул назад, из-за чего она потеряла равновесие, и, когда она развернулась, лодыжка подкосилась и Поппи потеряла точку опоры. Он крепко удерживал ее запястье, а ее рефлексy были недостаточно быстры, поэтому ни один из них не смог предостеречь ее от падения. Они уставились друг на друга широко открытыми глазами, и следующее, что она поняла, — вода вокруг нее брызнула в стороны, перелившись через край ванны, намочив ее волосы, одежду и попав в глаза.

Голова Поппи закружилась. Первое, что она осознала, — она намокла. Второе — она была прижата к чему-то теплomu и твердому. Она быстро заморгала, и первое, на что натолкнулся ее взгляд, была гладкая загорелая кожа мужской груди, затем, проследовав вниз по рельефу, она обнаружила, что его руки обхватили ее за талию. Подняв голову, они встретились взглядами, и сердце Поппи пропустило удар. С этого ракурса она смогла рассмотреть, что у него на подбородке была небольшая ямочка, на нижней губе посередине проходил небольшой порез — как она могла предположить, из-за аварии, — что делало губу еще более полной, чем она помнила, а его глаза были такого черного цвета, что зрачки терялись.

Взглянув опять на его губы, она удивилась мощному желанию ощутить его уста на своих. Подобно зажженной спичке, которую кинули в лужу бензина. Тепло растеклось в животе, и она ощутила, насколько стала влажной, даже находясь в воде.

Его лицо исказила гримаса.

— Твой локоть раздавит мои яйца, — сказал он.

Его едва слышный голос был словно ушат холодной воды для ее частей тела ниже поясицы.

— О мой Бог! Мне так жаль.

С его помощью она смогла выбраться из ванны и встать на ноги. Повсюду была вода. Схватив из корзины возле умывальника полотенце, она попыталась, насколько могла, вытереть пол, затем разложила еще одно полотенце, чтобы он позже не поскользнулся,

вылезая из ванны. Она была очень смущена — этот факт усиливал Бо, который стоял в дверях и таращился на нее с обвинением в его душевных карих глазах, — но она не смогла не оглянуться на мужчину. Он уставился на нее. Осмотрев себя, она осознала, что ее ночная рубашка была почти полностью прозрачной и прилегала ко всем изгибам, ничего не оставляя для воображения. Не удивительно, что он и Бо сосредоточили свое внимание на ней. С таким же успехом она могла быть голой! Тотчас же она схватила с вешалки полотенце, которое повесила для мужчины, и завернулась в него.

Повернувшись к нему лицом, она высоко подняла подбородок и умудрилась сказать несколько слов:

— Полагаю, ты можешь сам помыться?

Она скрестила указательный и средний пальцы, чтобы он подтвердил ее предположение, потому что она не была готова выполнить эту задачу. С текущим положением ее эмоционального состояния она могла домогаться мужчины. Не то чтобы он непременно был против. Казалось, мужчины готовы к этому в любое время, но Поппи принадлежала к типу женщин на одну ночь. Она нуждалась в близкой связи с кем-то. Ее трусики полностью промокли, и это было совсем не связано с водой, это имело отношение к тому зрелищу, что он из себя представлял — сильный самец с достаточной степенью самоуверенности, чтобы заполнить комнату.

Как давно у нее не было секса?

Слишком давно, но она не собиралась спать с первым встречным, который ввалился с улицы. У Поппи были свои стандарты. Просто ей не везло, что этот мужчина, казалось, подходил под все параметры от одного до десяти.

— Справлюсь, — ответил мужчина, отворачиваясь в сторону и глубже погружаясь в воду.

Едва заметно кивая, Поппи шагнула ближе к двери, и волна разочарования захлестнула ее. Она не была уверена почему, но его отказ причинил острую боль.

— Хорошо. Я буду дальше по коридору, если тебе что-то понадобится. —

Она едва успела сделать шаг за дверь ванной комнаты, как его хриплый голос окликнул ее:

— Ты все еще хочешь знать, как меня зовут?

Сердцебиение Поппи подскочило, когда она медленно повернулась к нему лицом.

— Да.

— Феликс. Феликс Синклер.

"Феликс". С минуту Поппи вертела его имя в голове. Красивое имя, которое нечасто услышишь, и оно ему подходило. Она улыбнулась.

— Рада познакомиться, Феликс Синклер. Я Поппи.

Он ответил едва уловимой улыбкой, затем снова закрыл глаза и откинул голову назад, чтобы отдохнуть. Закрыв за собой дверь, Поппи щелкнула пальцами, чтобы Бо следовал за ней, затем прошла по коридору в спальню, чувствуя себя немного нервной из-за того, как она реагировала на этого незнакомца, который случайно забрел в ее дом и украл ее способность дышать.

Возможно, он не был убийцей, но, безусловно, разумом она понимала, что Феликс Синклер был опасен для ее здравомыслия.

Бо свернулся калачиком на подстилке в углу комнаты, пока она переодевалась в чистые пижамные штаны. Когда Поппи сняла через голову ночную рубашку, то подумала, что она

определенно была в беде. Когда она забралась в постель и закрыла глаза, перед ее взором возникли картины обнаженного тела и темные грешные глаза, которые заставляли ее тело пылать.

Глава 4

"Феликс".

От одного его имени все внутри трепетало.

Поппи лежала на кровати, ожидая, когда Феликс закончит принимать ванну. Она оставила дверь приоткрытой, чтобы услышать, когда он выйдет. Когда он вымоется, она планировала лично дать ему в руки телефон, чтобы он мог позвонить, куда необходимо, и убраться отсюда. Просто она не была готова к такому сильному возбуждению, которое испытывала. Было и без того плохо, что она находила его привлекательным, но присутствие обнаженного привлекательного мужчины в собственном доме уже вело к неприятностям.

Минуты текли болезненно медленно, и Поппи была сверхчувствительна к каждому приглушенному всплеску воды, доносившемуся из-за закрытой двери всего в нескольких метрах от нее. Она представляла Феликса, его мускулистые руки, сверкающие от воды, его пристальный взгляд, скользящий по каждому сантиметру ее тела. У него были крепкие руки с длинными толстыми пальцами, и она представила, как они прикоснутся к ее телу, проникнут под свободную фланелевую рубашку, чтобы приласкать чувствительную кожу ее бедер, живота и груди.

Беспокойно ворочаясь под одеялами, Поппи с тоской вздохнула. Для нее было не в новинку тешить себя фантазиями, что витали в ее голове. По правде говоря, она занималась этим почти каждую ночь, когда сворачивалась клубочком с романом в руках, но это было совсем иное. Казалось почти неправильным фантазировать о сексе с мужчиной, которого она не знала и который находился в соседней комнате. Но она не могла остановить череду картин, штурмующих ее. Феликс поглаживающими движениями рук прошелся вверх от икры до верхней части бедер, подразнил ее чувствительные складочки и, наконец, погрузил палец глубоко в нее, из-за чего она вскрикнула от удовольствия. Она проследовала своими пальцами вниз за край шелковых трусиков к набухшему клитору. От первого прикосновения она задохнулась и, когда ее пальцы нашли ритм, который обещал привести ее к вершине, закусил нижнюю губу и позволила ощущениям поглотить ее.

Поппи погрузилась с головой в свою фантазию, в ее воображении играла яркая картинка того, как Феликс расположился меж ее бедер, погружаясь в нее глубоко и мощно, когда вдруг услышала, как кто-то откашлялся.

Отдернув руку из-под одеял, Поппи резко выпрямилась, из-за чего голова закружилась и перед глазами заплясали звездочки. Она посмотрела на дверной проем и увидела, что там стоял Феликс, вокруг его узких бедер было обернуто полотенце, крошечные струйки воды целовали его плечи и грудь. Влажные волосы были откинuty назад ото лба, а сощуренный взгляд с опаской взирал на нее, и она заметила, что цвет его кожи и силы восстановились.

— Гм, — нервно пробормотала Поппи. Как много он видел? Она все еще могла ощутить прилив тепла к коже, который становился все жарче от одной лишь мысли, что он мог поймать ее за очень интимным занятием. — Тебе что-то нужно?

Отрицательно покачав головой, он подозрительно посмотрел на нее и изогнул одну бровь.

— Я слышал, как ты выкрикнула мое имя.

Она почувствовала, как ее щеки запылали. Она правда вслух позвала его по имени? Господи, пристрели ее теперь. Она не была уверена, что могла справиться с таким неловким положением.

Когда она увидела, что Феликс прислонился к дверному косяку, скрестив руки на широкой груди так, что мускулы стали еще больше, Поппи стало очевидно, что он желал, чтобы его просветили, и что он не уйдет, пока она это не сделает.

Черта с два! Ни за что она не признается ему, что он исполнял главную роль в ее сексуальных фантазиях. Ей необходимо придумать что-то более правдоподобное в качестве оправдания, почему она выкрикнула его имя, но что?

Внезапно ее озарила идея, за которую она ухватилась и лучезарно улыбнулась ему.

— Хотела спросить тебя, можно ли в сушилке высушить твои вещи. Иначе тебе придется ходить в полотенце. Если, конечно, ты не против примерить розовый халат?

Она нервно покусывала губу, в то время как Феликс пристально смотрел на нее. Она знала, что он тщательно обдумывал ее объяснение, выискивая бреши, но, в конце концов, снова просто отрицательно покачал головой.

— Нет, они пригодны только для химчистки.

Поппи нахмурилась. У нее не было ничего из одежды, для которой нужна была химчистка. Она подумала, что он, должно быть, состоятельный, от чего ей стало слегка не по себе. Она предпочитала играть на равных, а теперь она просто ощущала себя... что ж, нищей. Ее взгляд пробежался по комнате: по отслоившейся краске на плинтусах, подержанной мебели и скрипучих половицах, местами в пятнах от воды или животных, она толком не знала. Она задумалась, в каком же месте жил он и что думал о ее пристанище. С чего вдруг ее это волновало? Не было необходимости произвести на этого мужчину впечатление. Именно он нуждался в помощи. Если ему не нравился ее дом, тогда ему следовало выбрать другой, чтобы отсидеться в нем до прибытия помощи.

Но ей было не все равно, и это ее беспокоило.

— Тогда могу развесить их. Может, возле обогревателя, чтобы они, по крайней мере, могли высохнуть быстрее? — спросила она, ощущая себя крошечной в его присутствии.

Выражение его лица свидетельствовало о том, что эта идея ему не пришлась по душе, но у него не было выбора, если он не хотел провести остаток ночи в полотенце.

— Думаю, это в самый раз, — сурово ответил он, но не пошевелился, чтобы уйти.

Воцарилось молчание, и Поппи поняла, что не выдержит и минуты под его испытующим взглядом, поэтому она вскочила с кровати и направилась к двери.

— Тогда займись этим, — сказала она, намереваясь протиснуться мимо его крупной фигуры, но Феликс не собирался так легко позволить ей выйти сухой из воды.

Схватив за руку, он развернул ее лицом к себе. Внезапное изменение направления и ограниченное пространство привели к тому, что Поппи врезалась в его грудь. Она вскинула голову и открыла рот, намереваясь оторвать ему голову за такое обращение, как вдруг уловила в его взгляде тлеющие огоньки.

— А теперь почему бы тебе не признаться, отчего ты выкрикнула мое имя. — В его голосе звучал вызов, и он буравил ее взглядом, провоцируя ее солгать.

Что ж, она могла лгать. И соврала бы. Ни под каким предлогом она ни в чем ему не призналась бы.

— Я же тебе сказала. Хотела узнать, что делать с твоей одеждой, — выдвинув вперед подбородок, ответила она.

Его губы растянулись в хитрой улыбке.

— Неужели? — протяжно произнес он, его захват на ее плече становился все крепче. Он притянул ее ближе, придавив ее грудь своей, а свободной рукой обвил ее талию, удерживая на месте. Наклонив голову, чтобы губами слегка коснуться ее уха, он произнес: — Именно поэтому ты трогала себя?

Поппи проигнорировала его слова. Отталкиваясь от его груди, она постаралась освободиться, но он был сильнее и твердо удерживал ее. В итоге она прекратила бороться и одарила обжигающим взглядом.

— Ты свинья, — сквозь стиснутые зубы проговорила она.

Он продолжил, словно она ничего не говорила:

— Расскажи мне, Поппи, — ее имя на его губах было чувственным обещанием, — ты всегда становишься мокрой, когда думаешь о стирке?

Она дала ему пощечину. Сильно. Даже не задумываясь о том, что сделала, просто смущение было таким сильным, что это затмило ее рассудок, и она ударила его.

Она тотчас же отдернула руку; шокированная тем, что дала ему пощечину.

— Извини, — быстро сказала она, страх растекался по ее венам. Если этот парень действительно был психопатом, то пощечина могла стать искрой, которая ему была нужна, чтобы в конечном итоге убить ее.

В темных глубинах глаз промелькнул гнев, в то время как Феликс изучал ее, его желваки неистово ходили. Она подумала, что он накричит на нее, но вместо этого он склонился так, что они оказались нос к носу, и посмотрел прямо ей в глаза.

— Я пугаю тебя, Поппи?

Пугал. Очень пугал. Но не в том жутком смысле, разрушающим тебя на кусочки. Он пугал ее, поскольку был истинным самцом, и каждая клеточка ее тела горела для него. Она не могла вспомнить, чтобы хоть раз в жизни ощущала что-то так сильно, даже в отношении к мужу, и было жутко сознавать, к каким осложнениям это могло привести.

Она медленно кивнула, с трудом сглотнув.

— Если бы я хотел навредить тебе, то давно бы это сделал, — произнес Феликс и провел кончиком носа по ее щеке к волосам и глубоко вдохнул.

Значило ли это, что он не причинит ей вреда?

Поппи ощутила, что захват его руки ослаб, он опустил руку вниз, чтобы обхватить ее бедро. Пальцы второй руки, которая лежала на ее талии, медленно двигались вверх и вниз. В ответ на эти поглаживания по ее спине пробежали мурашки, и Поппи наслаждалась этим ощущением.

Она услышала, как участилось его дыхание, его массивная грудь поднималась и опускалась быстрее, одна из его рук медленно проследовала вниз, и пальцы обнаружили обнаженную кожу бедра. Его возбуждение было очевидным, его толстый член прижимался к ее животу сквозь полотенце, которое только распаляло ее собственное сильное желание большего. Больше этих прикосновений, больше его самого. Намного больше.

— Феликс, — хрипло выдохнула она, ее колени почти подогнулись, когда он зубами укусил ее за плечо. Затем зализал укус языком. Он продолжал этот узор — покусывал и зализывал все плечо и дальше по руке, помедлив у запястья, чтобы поцеловать ее колотящийся пульс; когда он дошел до ладони, то поднял на нее взгляд, и все ее мысли испарились, когда она наблюдала, как он взял в рот ее средний палец. Его язык прошелся по подушечке пальца, и от того, что она видела, меж ее бедер стало влажно.

Это было обещание того, что он собирался с ней сделать.
И, спаси ее Боже, она собиралась позволить ему это.

Феликс не мог поверить своей удаче.

Он лежал в теплой ванне, дрожь, наконец, прошла, и его веки отяжелели, когда он услышал свое имя. Сначала он подумал, что ему показалось, но затем его имя прозвучало снова, в этот раз более отчетливо и было сродни мольбе.

В тот же миг Феликс вытянул заглушку и схватил из корзины полотенце, чтобы завернуться в него, и затем устремился искать ее, будучи уверенным, что что-то было не так и она нуждалась в его помощи. Феликс не мог поверить своим глазам, когда вошел в ее спальню. Образ Поппи, распростертой на кровати с отклоненной назад головой на подушке, и ее руки, скрытой под одеялами, почти выбил его из колеи. Это была такая невероятно сексуальная картина, что он чуть не кончил.

Воздух был наполнен мускусным ароматом ее возбуждения, и если бы она раньше не завела его до такой степени, то сейчас уж точно сделала бы это. Его эрекция болезненно напряглась под тонким полотенцем, и Феликсу пришлось заставить себя успокоиться, прежде чем пересечь комнату и взять то, что она, очевидно, хотела ему дать.

Когда он откашлялся, чтобы заявить о своем присутствии, и она вскочила, то чувство вины отразилось на ее прекрасном личике, от чего ему захотелось выругаться вслух. Никогда в жизни он не видел женщины настолько невероятно красивой. А он был с несколькими красавицами. Ее темные волосы густыми волнами упали на плечи, она тяжело дышала, а ее молочно-белая кожа покраснела от греховных деяний.

Он легко мог представить, как она будет выглядеть после того, как они займутся любовью.

Когда она грациозно встала с кровати, фланелевая ночная сорочка, которая при нормальных обстоятельствах подействовала бы как холодный душ на либидо любого мужчины, поднялась, открывая кремово-бледную кожу, и только посодействовала его желанию раздеть ее догола и зарыться меж ее шелковистых бедер.

Вместо тяжелых ударов в груди он ощутил, что его сердцебиение замедлилось до степенного ритма, а кровь устало тащилась по венам. Время замерло, когда она шла к нему, покачивание ее бедер обладало гипнотическим воздействием, от которого его разум кинулся в пучину запретных мыслей. То, что он хотел с ней сделать, наверное, было незаконно, но, когда она попыталась протиснуться мимо него, он решил, что ему наплевать, какие законы необходимо было нарушить. Он должен был овладеть этой женщиной. Даже если она еще не готова была признаться самой себе или ему, что хотела его, он намеревался дать ей все то, чего она желала. Когда он привлек ее к себе, в голове осталась лишь одна мысль — к тому времени, когда он с ней покончил бы, она осознала бы, каково быть оттраханной по полной.

Глава 5

Поппи была комком ощущений. Каждый сантиметр ее тела покалывало от предвкушения его прикосновений, жадно впитывая каждое поглаживание пальцев, каждое движение языка. Он рукой обхватил ее задницу, крепко прижимая Поппи к себе, продолжая упорно прижиматься к ее бедрам. Вторая его рука блуждала по ее телу вверх, пока не

добралась до груди и сквозь ночную рубашку сжала пальцами сосок.

Поппи ахнула от внезапной искры боли, которая превратилась в удивительную дозу возбуждения, от чего она задрожала в его объятьях.

Грудь Феликса неистово вздымалась, когда он резко отстранился назад, Поппи ощутила, как что-то глубоко внутри нее оборвалось. Она сделала шаг вперед, в мыслях представляя все части его тела, по которым хотела пробежаться языком. Она начала бы с шеи и проследовала вниз, исследуя каждый выступ, сотворенный его мускулами, а затем она бы сорвала полотенце и приступила к делу.

Она полностью остановилась, когда Феликс обхватил ладонями ее плечи, удерживая ее на расстоянии.

— Если ты этого не хочешь, скажи сейчас, потому что не думаю, что смогу остановиться, когда мы начнем.

Его голос был грубым и глубоким, он окутывал сверхчувствительное тело Поппи, словно тонкий шелк. Неистовый пыл захлестнул все ее естество, и она вздрогнула, хотя явно была далека от того, чтобы замерзнуть.

— Тогда не останавливайся. — Она придвинулась ближе, но он усилил свою хватку.

— Непременно. Ты не похожа на тот тип женщин, которые спят с мужчиной, едва встретив его.

И вот так на ровном месте дымка, затуманившая ее разум, рассеялась. Поппи уставилась в эти темные, глубокие глаза, которые обещали нескончаемое удовольствие, и успокоилась.

— Так и есть.

Именно это она уже говорила себе ранее, но перед его животным и сексуальным мастерством она потерпела крах, и все нравственные нормы и принципы, которыми она всегда пользовалась, просто исчезли.

О да, интуиция ее не подвела. Феликс был опасным мужчиной.

Она наблюдала, как каждый мускул его тела напрягся. Ему не понравился ее ответ, но по тому, как напряглась его челюсть, и мрачному виду стало понятно, что он был готов отступить. Едва кивнув, он опустил руки и отступил назад. Она восхищалась его силой воли, потому что, по правде говоря, все, что ему следовало сделать, — это прикоснуться к ней в любом месте — и она бы пала в его объятья и позволила ему делать с ней все, что он пожелает.

Осознание этого было одновременно и ужасающим, и возбуждающим.

Поппи никогда ничего не делала без тщательного планирования. Ее жизнь была похожа на мозаику, где каждый кусочек идеально вписывался, создавая красивый пейзаж. Но где-то в промежутке между тем, как она узнала, что ее муж был ублюдком, изменяющим ей, и разводом, когда ей пришлось придумывать себе новую жизнь, что-то изменилось у нее внутри.

Например, она стала жестче, выносливее и, несомненно, чрезмерно сексуальной. По крайней мере, когда это касалось эффектных мужчин с четко очерченными мускулами, которые смотрели на нее так, словно она была самой сексапильной из женщин. Она никогда раньше таковой не была. И она хотела теперь быть сексапильной очень сильно. Один раз в жизни Поппи хотела ощутить другую сторону жизни. Ту волнующую сторону, где не существовало правил и которая не укладывалась в ее аккуратный, маленький мирок. Она не желала думать о завтрашнем дне или о десятилетии наперед. Она хотела жить одним мгновением.

Она хотела познать, что такое умопомрачительный секс с абсолютным незнакомцем.

Преодолев расстояние, которое он проложил между ними, Поппи прислонилась к Феликсу, ощущая, как каждый крепкий мускул напрягся там, где она касалась его, и нежно поцеловала его грудь. Взглянув на него, она увидела, что он осторожно наблюдал за ней, словно то, что она молчаливо предлагала, превосходило то, на что он надеялся.

Желая успокоить его, Поппи смело поднялась на цыпочки и прошлась языком вверх по его шее, совершая круговые движения по неистово пульсирующей вене под ухом. Со свистом он втянул воздух сквозь сжатые зубы, и его руки опять нашли ее бедра, подбадривая ее продолжить начатое.

Поцелуями она проложила линию по его челюсти и, добравшись до подбородка, кончиком языка прошлась по жесткой щетине, ощутив едва уловимую, но сексуальную ямочку. Без тени сомнений она погрузила язык ему в рот и застонала от того, что их языки переплелись.

С этого момента это был порыв возбуждения. Зубы впивались, пальцы путались в волосах, руки почти до боли хватали плоть. Поппи ощутила, что ее ноги воспарили над полом, когда Феликс обхватил ее ягодицы и потянул ее вверх, плотно прижимая к телу.

— Обхвати ногами мою талию, — сказал он в перерыве между вздохами.

Она сделала, как ей было сказано, и ее клитор оказался прямо у его твердого члена. Неосознанно Поппи терлась об него, желая получить разрядку, которую страстно жаждало ее тело, но он не был с этим согласен. Быстро преодолев комнату в пару шагов, Феликс прислонил ее спиной к стене, прижавшись жестким телом к ее мягким изгибам.

— Если ты будешь продолжать в таком же духе, котенок, то все закончится, еще даже и не начавшись.

Он завладел ее губами безжалостным поцелуем, от которого ее голова откинулась назад и перехватило дыхание. Поппи вонзилась ногтями в его плечи и сжала сильнее бедра вокруг его талии, привлекая его как можно ближе, но этого было недостаточно. Ей необходимо было ощутить его движения внутри, всецело заявляющие на нее свои права.

— Одежда, — задыхаясь, произнесла она, прильнув к нему, в то время как руки Феликса снимали ночную сорочку, поднимая ее выше бедер и к талии. Ей было ненавистно отпускать его, прерывать любой контакт, но, подняв ночнушку до груди, он не смог потянуть ее выше, поэтому ей пришлось стать на ноги и поднять руки над головой, чтобы он мог полностью ее снять.

Феликс замер, его страстный взгляд выжигал дорожку на ее теле. Он облизнул губы, и его рука взлетела к ее грудям.

— Господи, ты прекрасна. Чертовски безупречна!

Она опустила взгляд, волна разрушающего возбуждения пронеслась сквозь нее и заполнила ее лоно, когда она поняла, что где-то в процессе он потерял полотенце. Его толстый фаллос горделиво выступал, и все, о чем она могла думать, — это затащить его в кровать, в конце концов.

Однако если она в первый и, скорее всего, единственный раз решила затащить незнакомца в постель, то ей определенно нужно растянуть удовольствие. Каждое мгновение шло в счет, потому что она не знала, когда и испытает ли вообще нечто подобное вновь.

Посмотрев вниз, она еще раз осмотрела его. Его член был большим и толстым, круглая головка блестела от возбуждения. Поппи облизнула губы, поскольку в ее голове возникли картинки того, что она бы с ним вытворяла. Ей всегда была ненавистна сама идея орального

секса с мужчиной. Джимми всегда жаловался на ее неопытность и отказы пробовать что-то новое, но она просто не видела необходимости в этом. Теперь она ощущала себя смелой. Только от одного его вида у нее потекли слюнки, и ей захотелось съесть его.

Недолго думая, она опустилась на колени и обхватила член рукой. Феликс схватил ее за волосы и с громким стоном откинул голову назад, когда она взяла его в рот. Языком она прошла от основания до головки, вкушая солоноватый вкус его возбуждения, и удивилась, когда все у нее внутри сжалось от вновь нахлынувшего возбуждения. Несмотря на то, что она никогда не практиковала данное занятие, казалось, что Феликс наслаждался, издавая слабые стоны каждый раз, когда она брала его член в рот. Довольно быстро она поняла, что чем глубже она его всасывала, тем больше ему нравилось. Подбадриваемая его гортанными ответами, она двигала рукой вверх и вниз, повторяя эти движения ртом, пока он внезапно не отклонил свои бедра назад и рывком поставил ее на ноги.

Сбитая с толку такой реакцией, Поппи запаниковала.

— В чем дело? Я что-то сделала не так?

— Ох, нет, котенок, ты все сделала отлично. Но ночь только началась, и так много всего, что я хочу с тобой сделать. Когда я кончу, то это будет не в твой ротик, а глубоко погрузившись в твое сладостное тело.

В подтверждение своих слов, Феликс притянул Поппи к себе, одной рукой пробежавшись вниз по ее животу, проложив горячую дорожку к ее клитору, затем наклонился и обрушил свой рот на ее, одновременно проникнув пальцем в ее киску, и у Поппи перед глазами засверкали искры.

— Ох!

Феликс улыбнулся против ее губ.

— Тебе это нравится, котенок? Я удивлен... О, да. — Он просунул внутрь второй палец, растягивая ее киску, и Поппи вскрикнула, ухватившись за его плечи, чтобы не упасть на пол. — Ты провоцируешь меня к тому, чтобы я кончил, и сильно. Может, переместимся на кровать?

Поппи слышала его вопрос, но была не в состоянии ответить. Когда он изогнул пальцы внутри нее и продвинул их глубже, она умудрилась громко взвизгнуть и едва кивнуть, надеясь, что этого будет достаточно. Так и было. За секунду Феликс положил ее на кровать и лег сверху. Когда он навис над ней, то она ощутила, как его член почти вошел в ее киску, и приподняла бедра, нетерпеливо желая вобрать его в себя.

Феликс засмеялся и отвел свои бедра назад. Поппи застонала от неудовлетворенности.

— Такая нетерпеливая. — Он поцеловал ее в лоб и убрал волосы с лица, смотря на нее сверху вниз. — Еще не время, котенок. Сначала о главном. У тебя есть презервативы?

Оцепенев, Поппи отрицательно покачала головой. Она не полагала, что когда-нибудь снова окажется в такой ситуации, поэтому даже и не подумала иметь хоть один под рукой. Как раз секс и был у нее на уме постоянно, а вот занятие им с мужчиной — ей и в голову не приходило. Она даже перестала принимать противозачаточные таблетки. И вот к чему это ее привело — готовая разрешить какому-то мужчине, с которым была едва знакома, вонзиться в нее, и даже не подумала ни о какой защите. Ей хотелось ударить себя по лицу за такую глупость.

— Все нормально, — уверил ее Феликс. — У меня есть парочка в бумажнике. Нужно пойти достать их. — Он поднялся с нее, и Поппи заерзала от чувства утраты. — Сейчас вернусь.

Она наблюдала, как он вышел из комнаты абсолютно голый, ни капельки не обращая на это внимания. Она подумала, что со спины он был так же красив, и хихикнула. Пока она лежала в полнейшей тишине, время как будто растянулось на целую вечность. Бо пошевелился в углу и громко вздохнул, отчего Поппи вскинула голову. Он уставился на нее так, как иногда смотрят животные, что начинаешь ощущать себя полностью обнаженным и становится немного стыдно.

— Что? — спросила Поппи, отгоняя чувство вины. — Я не делаю ничего плохого. — Бо поднял голову и вопросительно посмотрел на нее. — Не смотри на меня так. Когда у тебя не будет секса столько, сколько его не было у меня, тогда и поговорим. Кроме того, он кажется вполне приятным парнем, и я не видела, чтобы ты протестовал.

Феликс широким шагом вошел в комнату и странно посмотрел на нее.

— С кем ты разговариваешь?

Упершись о локти, Поппи застенчиво улыбнулась.

— С Бо.

— А. — Он оглянулся на Бо. — Не думаю, что я ему нравлюсь.

Поппи отмахнулась от него.

— Если бы ты ему не нравился, то, думаю, у тебя бы уже не доставало одной конечности. Бо меня очень опекает, и тот факт, что он не попытался до сих пор убить тебя за то, что ты прикоснулся ко мне, уже говорит о многом.

— "До сих пор" — ключевое слово, — пробормотал Феликс, забираясь на кровать и снова располагаясь между ее бедер. Он показал клочок фольги. — Интересно, как отреагирует Бо, когда его хозяйка начнет кричать от оргазма. — Он задвигал бровями, глядя на нее, и зубами разорвал упаковку.

— Кричать? — Все в животе у Поппи свело от предвкушения. Она наблюдала, как он надел презерватив на член.

— О да, — уверил он ее с озорной улыбкой.

Когда он расположился, чтобы войти в нее, Поппи слегка отстранилась назад.

— Я думала, мы не спешим?

Опустившись на локоть, Феликс легко поцеловал ее губы и погрузил в нее головку фаллоса. Поппи втянула воздух.

— Я так и сказал, но когда пришел и обнаружил тебя распростертую с расставленными ногами в ожидании меня, то изменил свое решение. Не буду лгать, этот раз будет быстрым. Но после я потрачу уйму времени на то, чтобы как следует изучить это тело.

— Я... Ах!

Феликс погружался все глубже в нее, и Поппи почти потеряла рассудок. Он был больше, чем она привыкла, и растягивал ее, касаясь каждого миллиметра и создавая сладостное трение, которое предвещало бросить ее через край наслаждения. Он был прав. Это было бы быстро.

Феликс уже учащенно дышал, стараясь контролировать себя.

— Боже, Поппи, в тебе так хорошо. Ты такая тугая. Я скоро кончу, котенок.

Ей нравилось, что он продолжал называть ее так. Котенок. У нее никогда раньше не было прозвища, и от этого все становилось особенным, от того, как он благоговейно его произносил, как будто терял от нее рассудок точно так же, как она от него.

Она пробежалась руками вниз по его спине, а затем он рукой подхватил ее под колено и прижал его к ее груди, а она вонзилась в него ногтями. От пота ее кожа блестела, и звук

слияния их тел от каждого мощного толчка заполнил комнату.

— Кончи ради меня, котенок, — приказал Феликс и затем приподнял ее бедра, чтобы проникнуть еще глубже.

До этого момента Поппи никогда не кончала вместе с мужчиной и думала, что это невозможно, но Феликс прикасался к таким частям ее тела, о существовании которых она и не знала, и прежде чем она осознала это, ее тело сжалось сильнее, напряжение стало нарастать.

— Давай же, котенок. Сделай это для меня.

Его слова послужили запалом, и Поппи ощутила, как ее внутренние мышцы сжались, она рассыпалась на кусочки, весь ее мир сосредоточился на единственном моменте взрыва чувств, который, словно приливная волна, разлился по каждой клеточке. Феликс вскрикнул, и она почувствовала, что его член стал еще больше, когда их обоих накрыла волна оргазма. Он вонзался в нее бедрами, раскачивая кровать так сильно, что ее каркас стучал о стену в унисон с его движениями. Поппи была напряжена и, когда Феликс выгнул назад спину, посмотрела вверх, и от этого у нее перехватило дыхание.

Окунувшись в собственный оргазм, Феликс был самым восхитительным мужчиной, которого Поппи когда-либо видела. Мускулы на руках и груди рельефно выделялись, вены на разгоряченной коже шеи застыли, и он стиснул зубы, словно ощущал острую боль. Наконец он навалился на нее сверху, зарывшись лицом ей в шею. Он весил прилично, и Поппи пришлось дышать мелкими вздохами, но она наслаждалась тем, как мужчина уютно устроился между ее бедер, она правда скучала по этому ощущению. Поглаживая его спину вверх и вниз, она наслаждалась моментом чистого блаженства, прислушиваясь к тому, как частое дыхание Феликса успокаивалось и в конечном итоге полностью выравнивалось.

Немного позже Феликс поцеловал ее в шею и поднялся на локти. По неподвижному выражению его лица, когда он смотрел на нее сверху вниз, было невозможно ничего понять. Пальцами он ласкал ее виски и наклонился, чтобы поцеловать ее.

— Ты была великолепна, — произнес он, оторвавшись от ее губ.

Поппи не смогла сдержать смех.

— Это следовало сказать мне. Вся работа легла на тебя.

Ухмыляясь, Феликс сел, и Поппи почувствовала, как обмякший член вышел из нее, из-за чего она ощутила себя опустошенной. Внезапно почувствовав смущение, она скользнула под одеяла, в то время как он встал с кровати и выкинул использованный презерватив в корзину для мусора у ее кровати.

"Что он будет делать теперь?" — задумалась она, когда он вышел из комнаты, не сказав ни слова. У нее только что был невероятный секс с неимоверно сексуальным мужчиной. Он был быстрым и мощным и всем, чего она желала, будучи замужем за Джимми. Неужели таким образом судьба показала ей то, чего у нее никогда не будет? Волна грусти, как пелена, накрыла ее при мысли о том, что Феликс скоро уедет. Конечно же, у него была жизнь, к которой следовало вернуться, а у нее были... книги. Как-никак они были незнакомцами, которым случилось встретиться на пути, но не суждено было случиться ничему больше, кроме быстрого секса.

Ей следовало напомнить себе об этом после его ухода, поскольку она чувствовала, что чувство потери ударит ее как обухом по голове.

Феликс появился в дверном проеме, держа в руках полотенце. Встав на кровать коленями, он сдернул одеяла и легким толчком локтей развел ее ноги в стороны. Тотчас же

Поппи снова свела их вместе, от смущения она нахмурилась, но Феликс опять развел их в стороны.

— Позволь вытереть тебя, Поппи.

У нее не было ни малейшего понятия, почему он хотел сделать это, и ей было чрезвычайно некомфортно от такого предложения, но когда он обратил на нее свой страстный гипнотический взгляд и прошелся пальцами по ее ноге — от икры до внутренней стороны бедра, она развела колени. С довольной усмешкой Феликс полотенцем, смоченным в теплой воде, вытер свидетельства их соития.

Закончив, он повесил полотенце на столбик кровати и забрался к ней под одеяла, притянув ее к себе. Поппи прильнула к нему и положила голову ему на грудь, а Феликс вверх и вниз поглаживал пальцами ее спину.

— Итак, почему же такая женщина, как ты, живет в глухомани? — спросил Феликс, прерывая комфортную тишину.

Глава 6

Что ж, какое-то время они собирались узнать друг друга.

В действительности Поппи не поверила ему, когда он упомянул об этом ранее, но, очевидно, Феликс был человеком слова. Когда она приготовилась ответить, тоненький голосок подсознания в ее голове прошептал, что делиться личной информацией с этим мужчиной — плохая идея. Она уже ощущала, что ей не хотелось бы, чтобы он уходил. Вот почему для женщин "любовь на одну ночь" была плохой затеей: при занятии сексом их сердца имеют отвратительную привычку вмешиваться. Мужчины, наоборот, относились к сексу как к еще одной деловой инициативе.

Пробежавшись пальцами вниз по его животу, Поппи попыталась объяснить:

— После развода мне нужно было сменить обстановку. Убраться подальше от города казалось хорошей идеей, и, найдя этот дом, я получила прекрасную возможность начать все заново. Я завела Бо, чтобы не чувствовать себя одинокой.

— Как давно ты в разводе?

Она пожала плечами.

— Меньше года.

— Это было обоюдное решение?

— Как только я узнала, что у него на стороне подруга, то да, решение стало обоюдным, — тяжело вздохнув, ответила Поппи.

Рука Феликса замерла.

— Мне жаль.

Отклонив голову назад, Поппи нахмурилась, глядя на него.

— Почему? Это не твоя вина, что мой бывший — засранец.

— Нет, но я знаю, каково это, когда тебя предают, и не думаю, что можно полностью справиться с чем-то подобным.

Приподнявшись на локте, Поппи с интересом рассматривала его.

— Феликс, ты был женат?

— Да.

Она нахмурилась от его немногословного ответа.

— А сейчас ты женат? — "Пожалуйста, скажи «нет»". Последнее, чем Поппи хотелось бы быть, — новой интрижкой или "другой женщиной".

— Нет. Мы развелись несколько лет назад, но я все так же помню эту жгучую боль.

— Ох. — Хорошо. Она вздохнула от облегчения и опять положила голову ему на грудь. Несмотря на то, что Поппи понравилось, что он был свободен для свиданий, ей хотелось сменить тему о неудавшихся браках. Каким-то образом эта тема вытягивала жизненную энергию из комнаты. Поэтому она сменила предмет обсуждения.

— Итак, кем же ты работаешь, Феликс? — "Модель «Плэйгерл»", — добавило ее подсознание.

Он, должно быть, понял, что она попыталась сделать, потому что одним движением, таким невероятно нежным, что в груди заныло от боли, Феликс поднял голову и поцеловал ее в лоб, а затем ласково сжал ее плечо.

— Я литературный агент.

О, она о таких слышала.

— Получается, ты работаешь с писателями.

Она почувствовала, как он кивнул.

— Да.

— Это же очень ответственная работа? — Насколько она понимала, в этой сфере требовались способности к убеждению и умение преподнести материал.

— Иногда да. Обычно ко мне приходят писатели, и я читаю их работы. Если мне что-то приглянется и я посчитаю, что у произведения есть потенциал, то перебрасываю его издателю. Но еще я занимаюсь поиском клиентов. Никогда не знаешь, где найдешь неограниченный алмаз.

— Судя по твоему тону, кажется, ты наслаждаешься тем, что делаешь.

— Эта работа мне подходит. — Она уловила улыбку в его голосе и не смогла сдержать свою. — Поппи, а чем занимаешься ты?

Она скривила губы, размышляя, как он отреагирует на ее признание.

— Я делала рамы для картин в лавке искусств на пересечении Тридцать второй и Мэйн, но она разорилась в прошлом году, и я не смогла найти ничего подходящего, что так же хорошо оплачивается или предлагает такие же льготы.

— Год назад. — Феликс подумал вслух. — Получается, ты потеряла работу и развелась в один и тот же год.

Она знала, что это было жалко, но была уверена: что-то подвернется и в итоге изменит положение к лучшему. Как всегда говорила ее мама: "Если Господь закрывает дверь, то открывает окно". Поппи подумала, что кое-что уже пошло на поправку, и провела пальцем вниз по боку Феликса, из-за чего он чуть подпрыгнул.

— Как ты выживаешь? — спросил Феликс, останавливая ее руку.

— Алименты на содержание. Мы были женаты немногим больше десяти лет, и Джимми зарабатывал больше меня, поэтому судья позаботился о том, чтобы он платил достаточно, что позволило бы мне держаться на плаву. Это не очень большая сумма, но ее хватает.

На самом деле их едва хватало. Если бы она не начала откладывать, когда впервые узнала, что Джимми ей изменяет, то ей бы едва хватало денег на одежду или основные земные блага, например, незапланированные непристойные любовные романы. Наличие Бо тоже отягощало ее бюджет, но он был ее лучшим другом и единственным источником общения, поэтому, как бы ни было тяжело, она всегда нашла бы способ позаботиться о нем.

— Звучит так, словно ты через многое прошла, — с состраданием сказал Феликс.

— Ничего такого, что я бы не выдержала.

Перевернув ее так, чтобы они оба лежали на боку лицом друг к другу, Феликс заправил локон волос ей за ухо и улыбнулся.

— По-моему, ты — решительная и независимая женщина.

Глядя на него, Поппи сощурила глаза, не понимая, как воспринимать его слова.

— Это комплимент?

— Однозначно комплимент, — хрипло ответил Феликс и припал к ее губам. — Я считаю сильных женщин невероятно привлекательными. — Он опять поцеловал ее, и на этот раз дольше. — Даже сексуальными.

— О, да? — Это ее голос, хриловатый и развратный? Поппи погладила рукой его бицепсы, ощущая, как напряглись под ее пальцами жилистые мускулы.

— О да.

Одним быстрым движением Феликс перевернул ее на спину. Сердце Поппи бешено заколотилось в груди, а возбуждение запульсировало по венам. Проложив поцелуями дорожку вниз по ее груди, Феликс обхватил губами торчащий сосок и втянул его в рот. Не желая оставлять без внимания второй, он до боли сжал его пальцами. Когда он закончил ласкать одну грудь, Феликс начал пощипывать ее, потом водил по ней и нежно посасывал, доводя Поппи до сладострастного забвения.

Поппи потерялась в ощущениях, которые раньше были ей неведомы. Легкие искры наслаждения пробежали вдоль ее спины с каждым движением его шаловливого языка, и Поппи ощутила, как дрожь пронеслась вниз по телу до кончиков пальцев ног.

Поппи, его маленький котенок, была более отзывчива, чем любая из женщин, с которыми Феликс имел дело. Она изгибалась от каждого прикосновения, а с ее губ срывались звуки, так похожие на мурчанье. В его руках она была словно оголенный провод, ее тело выгибалось, руки цеплялись за его плечи, как будто она могла взорваться в любую минуту.

Ему было интересно, долго ли она выдержит, прежде чем распадется на мелкие кусочки.

Отпустив кремовый холмик, Феликс губами проложил путь по ее животу, задержавшись на пупке и отчетливой линии бедер. В голове у него была единственная цель, которая состояла в том, чтобы испробовать каждый сантиметр ее тела, пока длится эта ночь.

Опустившись вниз к ее ногам, Феликс расположился меж ее бедер и замер, восхищенный открывшимся видом. Перед его взглядом бледно-розовые складочки блестели от соков возбуждения, и Феликс вздрогнул от предвкушения.

— Ммм, очень красиво.

Поппи вскинула голову, и ее широко распахнутые от страха глаза уставились на него.

— Что ты делаешь? Иди сюда.

Он видел, что сама идея того, что он собирался с ней сделать, заставляла ее нервничать. Вероятно, она была очень сдержанна, и он сомневался, что у ее бывшего хватило бы пыла как следует доставить ей удовольствие, иначе он никогда не позволил такому созданию, как Поппи, выскользнуть из его рук.

Феликс медленно потрянул головой.

— Просто хочу убедиться, что ничего не упустил, котенок. — Прежде чем она смогла бы дальше протестовать, Феликс прошелся языком по ее киске и улыбнулся от удовольствия, когда Поппи выкрикнула его имя и опять упала на подушку. Когда он ласкал языком ее клитор, она впиалась пальцами в его волосы, удерживая его голову на месте. Он ласкал ее до

тех пор, пока ее ноги не задрожали, впиваясь в его плечи, словно тиски.

Подавшись назад, Феликс поцеловал внутреннюю часть ее бедра, всматриваясь в ее темные глаза, наполненные страстью. Ее веки были полуприкрыты, а пухлые губы раскрыты, когда она судорожно вдыхала. Именно в этот момент он скользнул в нее пальцами и ощутил, как ее соки окутали их, когда он двигал ими внутри нее. Подушечкой большого пальца он тербил ее клитор, а сам перемещался вверх по ее телу.

Поппи вжималась пятками в матрас, а ее тело скользило вдоль его пальцев до тех пор, пока Феликс не ощутил, как сжались вокруг них ее мышцы. Зная, что она уже была близка, он вынул пальцы и заглушил ее протест напористым поцелуем. Затем он потянулся к столику, чтобы раскрыть последний презерватив.

Поппи покрывала влажными поцелуями каждый сантиметр его груди и шеи, пока он натягивал латекс на член. Ее руки были повсюду, познавая на ощупь его горячую кожу, и к тому времени, когда он справился, Феликс боялся, что кончит, как только войдет в нее.

Феликс взял рукой обе ее кисти и поднял их ей над головой, из-за чего она выгнулась дугой. Ее груди подались вперед, представив собой аппетитное блюдо, которое он слишком сильно желал вкушать. Собираясь войти в нее, Феликс втянул одну тугую вершинку в рот и в этот же момент погрузился в ее глубины. Он не спешил, медленно входя в нее на всю длину, чем еще сильнее распалял огонь страсти. В знак одобрения Поппи издала стон, и Феликс наградил ее долгими и жаждущими поцелуями. Она втянула его язык и облизнула губы, все это время поднимая бедра навстречу каждому ленивому движению его бедер, чтобы вобрать его как можно глубже.

Он действовал не спеша, но сексуальное тело Поппи и ее страстные отклики были для него абсолютной погибелью, и Феликс вскоре уже балансировал на грани. Просунув руку между их сплетенными телами, Феликс стал ласкать пальцем ее набухший клитор и ускорился, подводя их ближе к краю, и в итоге прыгнул в пучину наслаждения.

Когда он кончил, мышцы Поппи крепко сжали его, они оба окунулись в волны экстаза, пока не рухнули в изнеможении.

Перевернувшись на бок, Феликс быстро избавился от презерватива и обхватил Поппи рукой, притянув к себе. Полностью измотанный, он закрыл глаза и позволил сну побороть себя.

Феликс не знал, как долго он спал, но чувствовал себя более отдохнувшим, чем когда-либо за последние недели.

Опустив взгляд вниз, он обнаружил, что Поппи спала в его объятьях: ее длинные каштановые волосы ниспадали по его бицепсам и рассыпались по подушке. С этого ракурса горбинка на ее носу, которую он заметил ранее, почти исчезла, но теперь он увидел нечто похожее на ямочку на упрямом подбородке. Он изумлялся тому, насколько хорошо она устроилась около него, подложив кулачок под щеку и перебросив подтянутую ножку через его ногу. Пробежавшись рукой вниз по ее боку, он проследовал по холмику ее груди, затем вниз по изгибам тела к изящной талии, переходящей в округлое бедро. Его пальцы поиграли с мягким полушарием идеально округлой ягодицы, и Феликс захотел насладиться простым созерцанием вида ее прекрасного обнаженного тела, уютно устроившегося около него.

Это опять было похоже на супружескую жизнь — делить кровать и душу с кем-то,

успокаиваться в объятьях. После развода у Феликса было много женщин, но он никогда не позволял встречам перерасти в нечто большее, чем обычные постельные дела. В действительности, он принимал меры, чтобы быстро уйти, всегда имея наготове оправдание для женщины, с которым она не могла поспорить, например, деловая встреча рано утром или долгая поездка, а если это не срабатывало, он предельно прямо отказывал им.

У него было ощущение, что Поппи принадлежала к тому типу женщин, которым ему было бы очень сложно ответить "нет". Даже теперь, полностью отдохнув, Феликс не ощущал потребности улизнуть и отправиться домой. Ему очень нравилось лежать в кровати незнакомки, переплетаясь телами, словно любящая пара, настолько долго, насколько возможно было растянуть этот момент.

И его потребность в ней была неутолима.

Его тело уже ожило, готовясь к новому раунду игры, которая теперь стала его излюбленной на этой игровой площадке.

Словно ощутив его намерения, Поппи пошевелилась в его объятьях. Повернувшись к ней, Феликс забросил ее ногу на свое бедро и притянул к себе поближе. Нежная и томная улыбка появилась в уголках ее губ, и она медленно открыла глаза, чтобы посмотреть на него.

В этот миг Феликс ощутил, что внутри него что-то оборвалось.

Одним взглядом Поппи поймала и пленила его, и, казалось, он мог увидеть все свое будущее в темных глубинах ее глаз.

Подняв голову, она была готова притянуть его к себе, но Феликс резко отстранился и быстро соскочил с кровати.

Когда он замер, чтобы оглянуться, на ее лице застыло выражение замешательства и боли.

Замерев у кровати, Феликс прошелся ладонью вниз по лицу. Что он делал? За пару часов эта женщина пробралась за стены, которые он так давно возвел, и угрожала разрушить их. Все было именно так, как он и хотел. Ему не нужны были отношения. Никакой привязанности, разбитых сердец или оскорбленных чувств. Именно так все у него сейчас и было. Так все и должно было быть. Никогда снова он не поставит себя в положение, которое в прошлом чуть не погубило его.

Когда он снова возобладал над собой, Феликсу стало до боли очевидно, что теперь необходимо было предпринять.

— Который час? — грубо спросил он, уставившись в пол, чтобы не смотреть на нее.

Он пытался не замечать, как изящно изогнулась спина Поппи, когда она потянулась к прикроватному столику, чтобы взять будильник.

— Почти четыре утра, — ответила она и опять положила часы в ящик. — Феликс, что-то не так?

— Нет. Просто мне нужно идти. Напомни, где у тебя телефон? — Его слова звучали слишком жестко даже для него самого, но лучше было ранить ее чувства сейчас и разорвать отношения без ссор и скандалов, чем вводить ее в заблуждение о том, что вообще никогда не случится.

Поппи принадлежала к тому типу женщин, которых знакомят с родителями, а вовсе не из тех, на которых набрасываются, как возбужденный подросток, и обещают позвонить утром, зная, что не позвонят. Он знал это с того момента, когда посмотрел на нее, но, как и Луна, вращающаяся вокруг планеты, он был бессилен, чтобы противиться силе ее гравитации.

Феликс принадлежал к типу мужчин, предпочитающих "любовь на одну ночь". Он не давал обещаний. Он уже почти нарушил одно из основных правил — не оставаться на ночь. Его удивляло, насколько комфортно он чувствовал себя в незнакомом доме, в чужой постели, и это только подтверждало, что ему необходимо было уйти прежде, чем он сделает что-либо еще худшее.

Теперь Поппи села на постели и натянула одеяло на грудь, и Феликс пытался не замечать боль, затопившую ее взгляд. Судорожно сглотнув, она указала на дверь за его спиной.

— Он, хм... внизу. В гостиной возле дивана.

— Спасибо. — Развернувшись, широким шагом он вышел из комнаты, даже не потрудившись обернуться. Ему не нужно было видеть ее лицо, чтобы понять, что он причинил ей боль; он просто верил, что она была достаточно сильной женщиной, чтобы пережить это. Он продолжал говорить себе, что чем скорее, тем лучше, спускаясь по лестнице, чтобы найти свою одежду и позвонить.

Глава 7

Поппи не могла понять причину внезапной смены поведения Феликса. Когда она проснулась, то казалось, он жаждал начать с того, на чем он остановился. Сексуальный аппетит мужчины был незаурядным. Никогда в жизни она не занималась сексом более одного раза за ночь, и никогда это не было таким совершенным, как с Феликсом. Между занятием любовью и последующей интимной беседой она начала понимать, что он мог быть тем мужчиной, которого она хотела бы узнать лучше. Хотя теперь она в этом не была так уверена.

Резкое изменение настроения Феликса со страстного до отстраненного опустошило ее и заставило почувствовать себя одинокой, словно она была чужой в собственном доме. Проследив, как он отвернулся и вышел из комнаты, Поппи просто осмотрела спальню, не в состоянии шевелиться, думать, и почувствовала себя опустошенной. Она не могла это объяснить, даже не хотела в действительности и пытаться, но его отсутствие казалось неправильным.

Подняв ночную сорочку с пола, она натянула ее через голову и направилась к лестнице. В мгновение ока Бо проснулся и последовал рядом с ней по ступеням. Ее сердцебиение участилось, когда она спустилась и ее взгляд сосредоточился на Феликсе.

Он стоял по другую сторону комнаты к ней спиной. Феликс надел влажные костюмные брюки и потянулся за рубашкой, которая лежала на кресле-качалке, когда она поняла, что он держал телефон возле уха.

— Да, трасса двадцать два... "БМВ" две тысячи восьмого года... Серая... Нет, я не буду у машины.

Она слушала его ответы, ее желудок свело, когда он на одном выдохе выпалил, в какой гараж следовало транспортировать машину, и личные данные. Закончив звонок, он выудил из заднего кармана брюк бумажник. Поппи ждала, пока он, достав визитку, сделал еще один телефонный звонок, в этот раз по голосу ощущалось, что он звонил другу.

— Привет, мне нужно, чтобы ты меня подобрал... Где-то на трассе двадцать два. Подожди, дай уточню.

Спина Поппи окоченела, когда Феликс обернулся и посмотрел прямо на нее, словно знал, что все это время она стояла там.

— Какой у тебя адрес? — спросил он с каменным выражением на лице. Она назвала адрес, и он опять повернулся к ней спиной, передавая информацию.

Не зная, чем себя занять, Поппи направилась на кухню и начала наполнять водой чайник. От горячего чая ей всегда становилось лучше, когда дела шли не так, как планировалось.

Когда она ставила чайник на плиту, ощутила, что в комнату вошел Феликс. Намеренно игнорируя его, Поппи принялась искать кружку и выбирать, какой сорт чая подошел бы под ее настроение. Она понимала, что это был детский поступок, но не могла заставить себя взглянуть на него, чтобы сердце не ушло в пятки. Это не имело смысла, а что же имело?

Именно Феликс нарушил напряженную тишину:

— Скоро за мной приедет машина.

Поппи просто открыла пакетик чая "Эрл Грей" и залила его кипятком. Она почувствовала спиной, что он подошел, и замерла. Протянув руку мимо нее, Феликс взял с полки кружку и поставил ее на кухонный стол возле ее чашки.

— Думаю тоже выпить чашечку чая, если ты не возражаешь.

Жар, исходящий от его обнаженной груди, проникал через ткань ее ночной сорочки, и по ее спине пробежал озноб, а в памяти всплыли образы их переплетенных тел в ее кровати, ласкающих, целующих друг друга и наслаждающихся сексом. Ей хотелось вернуть это время, никогда не вставать с кровати, но это было невозможным. Мыльный шарик лопнул, нужно было вернуться на грешную землю.

Он отошел от нее слишком быстро, резко вернув ее в действительность.

Не сказав ни слова, она начала готовить ему чай. Это заняло у нее больше времени, чем было нужно, поскольку она снова и снова окунала пакетик в воду, добавляя чуть молока, чтобы немного остудить. Делала все, чтобы подольше не замечать истинной проблемы. В конце концов, она взяла обе кружки в руки и повернулась к нему лицом, понимая, что это необходимо.

За маленьким обеденным столиком в углу комнаты Феликс выглядел великаном. Его огромное тело подавляло тонкие металлические ножки стульев, а рука, которую он положил на стол, заняла больше половины столешницы. Поппи пыталась запечатлеть в памяти его образ за столом, его темный проникновенный взгляд, следящий за каждым ее движением, его длинные ноги в зауженных брюках, вытянутые вперед, чтобы, когда он бы ушел, воссоздать эту картинку и в ночи предаваться воспоминаниям о том, как она встретила удивительного мужчину и испытала невиданную страсть в его опытных руках.

Он отчаянно хотел протянуть к ней руки, усадить к себе на колени и уверить, что между ними все было хорошо, но это бы сделало ситуацию только хуже. Ему необходимо было обуздать себя, чтобы не схватить ее, когда она передала ему кружку горячего чая. Вместо этого он взял чашку и осторожно отпил.

В действительности он не любил чай. Он был кофеманом, правда, но чаепитие показалось хорошей возможностью разорвать убийственную пелену, которая окутала прекрасное окончание великолепной ночи. Как же все пошло так наперекосяк?

О, да. Он ушел и с тяжелым сердцем разрушил то, что не имел права разрушать.

Ночь перетекала из одной катастрофы в другую. Хотя, если бы он был полностью честен, то случайная встреча с Поппи была самым лучшим, что случилось с ним за последнее время. Все в ней свидетельствовало о том, что она была благоразумна, честна и просто по-настоящему мила. Не каждый день встречаются такие люди, как она. Она

принадлежала к редкому типу людей особенно в городе. Она ничем не была похожа на женщин, которых он обычно себе выбирал, и его беспокоило то, что он обошелся с ней как с еще одним безымянным и безликим телом.

Она была какой угодно, но не такой. У Феликса возникло смутное подозрение, что много времени спустя, когда каждый из них двинется своей дорогой, она останется у него в памяти.

Он был дураком, если подумывал уйти, но когда в тишине раздался сигнал машины, Феликс поднялся и направился к двери.

Поппи последовала за ним, ее собака Бо тихо шла следом, пока Феликс надевал влажную одежду. Когда он все же решился взглянуть на нее, то его встретил пустой взгляд. Он уже видел его раньше, обычно таким взглядом его одаривали, как только он отказывал дамам, которые ожидали от него большего, чем он желал им дать.

Хотя Поппи была совсем другой.

Она и слова не проронила, чтобы он остался, не цеплялась за него и не была агрессивной, когда поняла, что ничего не последует дальше. Не было всего того, чего он ожидал. Вместо этого она спокойно провела его до двери.

Когда Феликс вышел на крыльцо, то обнаружил, что дождь прекратился и сел легкий туман, поэтому на подъездной дорожке он отчетливо видел машину Тейта. Ему следовало сразу уйти, но его ноги приросли к полу. Его желудок свело от самой идеи, что он сойдет с крыльца и ни разу не обернется. Его интуиция подсказывала, что если он сейчас ничего не скажет, то потом пожалеет об этом, но страх сковал его на месте, он не мог ни уйти, ни обернуться.

Тейт дважды посигналил, и эти нетерпеливые короткие сигналы опять привлекли внимание Феликса. Пройдясь рукой по волосам, он готов был уйти, как вдруг решил отбросить все сомнения. Его всегда учили слушаться своей интуиции, которая говорила ему сейчас, что такую девушку, как Поппи, не часто встретишь, он был бы дураком, если бы прошел мимо.

— Поппи, я... — Его слова быстро увяли, когда, обернувшись, он увидел запертую дверь, а Поппи исчезла внутри дома. Его взгляд переметнулся к окнам гостиной, но там была абсолютная темнота. Он задался вопросом, что делать, спускаясь по степеням и вскинув голову, чтобы посмотреть на второй этаж.

Когда он посмотрел вверх, вглядываясь в темные окна, легкий туман стал оседать на его лице прохладными каплями. Прошла одна минута, затем другая, и наконец-то загорелся свет в угловой комнате. Феликс разрывался на части. Следовало ли ему кричать ей под окнами, словно возбужденный подросток, жаждущий внимания, или заколотить в дверь, как психически больной, пока она не вызовет полицию?

Он не был уверен, как долго простоял там, взвешивая варианты, но затем требовательный голос Тейта окликнул его со спины, Феликс, наконец, принял решение.

— В чем задержка, старик? — выкрикнул Тейт. — Уже поздно, а мне на рассвете нужно быть на очередном этапе подписания бумаг.

Развернувшись на пятках, Феликс преодолел лабиринт цветочных клумб и открыл дверь со стороны пассажира. Кинув на Тейта удрученный взгляд, он вздохнул:

— Привет.

— Все в порядке? — спросил Тейт, удобно расположившись за рулем и давая задний ход по короткой подъездной дорожке.

Феликс взглянул на дом, сосредоточившись на едва освещенном окне. Его желудок свело от тоски.

— Просто был долгий день. — Он печально подумал, что ему вообще не следовало уходить. Но Феликс знал, что это было к лучшему. У него не было ничего, что он мог предложить такой женщине, как Поппи, и не хотел, чтобы девушка тратила время на пустые обещания. Она заслуживала большего.

Однажды Поппи очень осчастливила бы какого-то везунчика.

Его чуть не вывернуло от одной только мысли, что Поппи могла быть с другим мужчиной. Раздраженный реакцией своего тела, он попросил Тейта гнать со всего духу. Чем быстрее он вернулся бы в свою реальность, тем лучше.

Обронив последний взгляд на дом, Феликс задержал дыхание. Там в окне с поднятыми занавесками стояла Поппи. В тот короткий миг их взгляды встретились, и Феликсу пришлось побороть непреодолимое желание выскочить из движущегося транспорта и побежать в дом.

Как всего за несколько часов женщина умудрилась вскружить ему голову, как никто не смог до нее? Феликс тряхнул головой и постарался прервать зрительный контакт. Это была кульминация всего плохого, что произошло с ним за эти сутки. Известно, что накал страстей, особенно после борьбы не на жизнь, а на смерть, благоприятствовал развитию привязанностей и чувств, которые в других случаях никогда бы не зародились.

Зарождающиеся чувства к этой женщине, которая приютила и обогрела, когда он в этом очень нуждался, были обманчивыми, им нельзя было верить.

Как только вдалеке показались огни города, Феликс уверил себя, что по возвращении домой вернулся бы к рутинным обязанностям, все вернулось бы в нормальное русло. А Поппи... она стала бы приятным воспоминанием из прошлого о той ночи, когда все пошло наперекосяк.

Глава 8

Прошло две недели с той дождливой ночи, когда привлекательный мужчина в промокшем до нитки костюме, нуждаясь в помощи, появился у нее на пороге. Застегивая платье, Поппи подумала, что той ночью он дал ей намного больше.

Жизнь была пустой до него, а когда он ушел, стала просто невыносимой. Тишина, к которой она так привыкла, стала оглушающей. С ней не мог справиться даже Бо. Проведенное время вместе с этим мужчиной напоминало о том, как хорошо, когда рядом с тобой есть кто-то, с кем можно разделить постель и поделиться мыслями. До этого момента она не понимала, как соскучилась по простым отношениям с другим человеком.

Она пыталась отвлечься, зарывшись в книги или выпечку — еще одно ее любимое занятие. Но ничего не помогало, и после двух беспокойных дней и ночей Поппи решила, что настало время вновь вернуться в мир и начать поиски работы.

Каждый день она проводила в городе, прогуливаясь по улицам и заполняя заявления на работу, чем умудрялась изрядно занять себя. А вот ночами, когда мир опять затихал, она была предоставлена раздумьям, которые тревожили ее. Когда Феликс не занимал все ее мысли, то он завладевал ее мечтами. Она все еще могла ощутить его прикосновения к своей коже, ощутить вкус его губ.

И у Бо дела были ничуть не лучше.

Он никогда не доверял людям, а это значило, что ему никто не нравился. После

Феликса Бо стал другой собакой. Она часто находила его на крыльце, он всматривался вдаль, словно ждал что-то... или кого-то. И когда вечерами Поппи устраивалась с книгой в руках, то он усаживался у ее ног и грустными глазами смотрел на входную дверь, изредка завывая, словно убитый горем ребенок.

Единственное изменение в их жизни было связано с появлением Феликса, поэтому Поппи связывала изменение в поведении Бо только с этим. Казалось, Феликс нашел путь в их сердца, и, уйдя, он забрал частичку каждого с собой. Или, возможно, с ее стороны это было лишь принятие желаемого за действительное. Бо, скорее всего, реагировал на смену ее настроения. Он всегда был очень восприимчив.

Отбросив добровольную депрессию, Поппи скользнула в удобные черные туфли на каблуке и схватила с изножья кровати черный костюмный пиджак, который подходил к ее облегающему повседневному платью, и направилась вниз.

Время на жалость к себе закончилось. У Поппи было собеседование с очень важным человеком, занимающимся важным бизнесом, в центре города. Не работая больше года, она была в равной степени воодушевлена и напугана.

Поискав в сумочке и карманах пальто, она наконец нашла ключи от машины, быстро обняв Бо и пообещав скоро вернуться, вышла из дома.

К тому времени, как она доехала до офиса, Поппи вся покраснелась. Движение на дороге было убийственным даже в десять часов утра, и ей пришлось охотиться за вечно неуловимым парковочным местом. Покружив около четверти часа в радиусе четырех кварталов, она заметила, как отъехала одна машина. Совершив пару безрассудных маневров и заработав несколько злобных жестов, она все-таки припарковала машину, не врезавшись или получив штраф.

Единственный недостаток состоял в том, что место для парковки располагалось в трех кварталах от места встречи, ей пришлось преодолеть расстояние трусцой... на каблуках... перебегая дорогу и все время уклоняясь от пешеходов. Как только она вошла в многоэтажное офисное здание, обнаружила, что все лифты не работали, и ей пришлось подниматься по лестнице... на тридцать четвертый этаж.

Запыхавшись и вспотев, с вымученной улыбкой она подошла к секретарю в приемной.

— Чем могу помочь? — Женщина за столом приемной была шикарна. С большими голубыми глазами, которые идеально сочетались с блузкой, идеально причесанными светлыми волосами и идеально ровными белыми зубами за пухлыми розовыми губами. От нее веяло превосходством, и Поппи тот час же ощутила себя простушкой с прямыми каштановыми волосами и заурядными чертами.

Заправив прядь волос за ухо, Поппи заставила себя стать прямо.

— Хм, да, у меня собеседование с мистером Брэдшоу.

Светлая бровь изогнулась в ответ, и на лице секретаря промелькнуло надменное выражение.

— Вы опоздали, а мистер Брэдшоу очень занятой человек, — строго ответила она.

Поппи рассвирепела. Ей не нравилось, когда с ней обращались надменно, и ей пришлось сдерживать себя, чтобы не сорвать зло на женщине. Размеренно вздохнув, Поппи вымучила широкую улыбку.

— Извиняюсь за опоздание. Но не могли бы вы сообщить мистеру Брэдшоу, что я здесь. Уверена, он захочет встретиться со мной.

Когда она разговаривала с мистером Брэдшоу по телефону, то казалось, что он жаждал

встретиться с ней. Он сказал, что она именно та, кого они искали. Это была великолепная возможность, и Поппи ждала с нетерпением эту встречу. Она не собиралась развернуться и уйти из-за пары минут опоздания.

— К сожалению, мистер Брэдшоу на очень важном совещании, я не могу его беспокоить, — проинформировала ее секретарь.

— Тогда я подожду, когда закончится совещание, — ответила Поппи и расположилась на одном из кожаных кресел, которые выглядели удобными и располагались у нее за спиной.

Пожав плечами, секретарь повернулась к кипе документов, с которыми работала.

— Поступайте, как считаете нужным.

— К счастью, Мак почти отремонтировал лифт, когда мы вошли, да? — произнесла рядом Кэтрин, когда лифт начал двигаться.

Феликс кивнул.

— Спас меня от необходимости преодолеть тридцать пролетов по ступеням, вне всяких сомнений.

Кэтрин подошла ближе к нему, и на ее красных губах заиграла соблазнительная улыбка.

— Сегодня. У меня. В восемь?

Феликс отбросил ее изящную руку, которая проторила дорожку по груди под блейзер. Единственное хорошее качество Кэтрин было в том, что всегда можно было рассчитывать, что она перейдет к самой сути.

Ее красные губки выпятились, красиво надувшись, но Кэтрин поняла намек и отступила.

— Извини, Кэтрин, но сегодня я занят. — "И завтра, и послезавтра, и после-после..." Феликс ни с кем не был с той самой ночи. Он пытался, ох, как сильно пытался, но каждый раз, когда наступал момент, он просто прощался. Провести ночь со случайной женщиной было теперь не для него. Как только они приступали к ужину и женщины начинали говорить, ему неизбежно чего-то не хватало. Ох, они были прекрасными, красноречивыми и образованными, но они были не Поппи.

Женщины выглядели слегка разочарованными, но они ведь получали бесплатный ужин, а полное отсутствие интереса с его стороны идеально подходило, чтобы завершить вечер пораньше. Он даже не знал, почему это его волновало. Казалось, что Поппи, как инфекция, проникла в его кровь и никто ему не подойдет, пока он не избавится от нее.

Проблема была в том, что он не знал с чего начать; о том, чтобы увидеться с Поппи, и речи быть не могло. С его точки зрения, он видел два варианта. Или он мог попробовать выжечь ее из памяти, кинувшись в объятия многочисленных женщин, или снять свою кандидатуру в претенденты на свидания и окунуться с головой в работу, чтобы не оставалось времени даже и подумать о ней.

Последний вариант нравился ему больше.

Прозвучал зуммер, оповещающая, что лифт остановился, и Кэтрин вышла из него. Когда двери начали закрываться, она опять повернулась к нему.

— Феликс, если передумаешь, знаешь, как со мной связаться, — сказала она и исчезла.

Феликс смотрел вверх на мелькающие индикаторы этажей, и его желваки ходили каждый раз, когда очередной индикатор загорался и гас, а лифт поднимался все выше. Он,

наверное, встречался с половиной женского персонала компании и заработал еще ту репутацию. Женщины больше не видели в нем мужчину, он стал для них завоеванной территорией. Он никогда не думал, что что-то подобное будет его волновать, но теперь это его заботило.

Он изучал свое отражение в отполированных металлических дверях и понял с ошеломляющей ясностью, насколько он устал. Устал по вечерам бегать за каждой новой юбкой, устал от преследования и игр. Он просто устал. Развод подкосил его принципы и разрушил самоуверенность, потому что, как и большинство молодоженов, он верил, что это будет длиться вечно. Но единственное, что Феликс осознал за последние несколько недель, состояло в том, что в жизни не было ничего абсолютного и что иногда любовь не длится вечно. Но что действительно удивляло его, так это то, что ему не хотелось больше быть одиноким.

Он давно перерос тот возраст, когда изображают холостяка и плейбоя, но не понимал этого, пока не встретил Поппи, он просто плыл по течению. Настало время, когда он задумался о том, чтобы опять остепениться, потому что с каждым днем все быстрее жизнь ускользала сквозь пальцы, а он хотел прожить то, что осталось, с кем-то особенным.

К тому моменту, когда он вышел на тридцать четвертом этаже, в его голове созрел план. После работы он планировал заехать в цветочный магазин, выбрать красивый букет... чего-то прекрасного, потом направиться загород к маленькому домику и попробовать завоевать женщину, которая завоевала его сердце.

— Вера, — дружелюбно произнес он, подойдя к круглому столу посередине приемной офиса. Голова секретаря взметнулась вверх, и она одарила его искусственной улыбкой, из-за которой, он мог побиться об заклад, сотни мужчин до него пали к ее ногам.

— Мистер Синклер! — Подняв руку, Вера пригладила волосы в той манере, когда пыталась завлечь мужчину в свои сети. — Я почти собиралась отправить вам отчеты, которые вы просили...

Феликс поднял руку, останавливая ее.

— Не торопитесь. Положите их мне на стол перед уходом. Послушайте, можете оказать мне услугу?

Вера засияла от этих слов.

— Конечно, мистер Синклер. Все, что понадобится.

Он снисходительно улыбнулся.

— Спасибо, Вера. Как вы знаете, у мистера Брэдшоу была запланирована важная встреча, но еще он назначил собеседование с кем-то немаловажным и попросил меня заменить его. — Он проверил, который час. — Они должны прибыть с минуты на минуту. Поэтому, как только они появятся, направь их ко мне.

— Да, конечно, мистер Синклер, — согласилась Вера. — Но, мистер Синклер, кандидатка уже здесь.

— В самом деле?

— Да, сэр. Она пришла несколько минут назад. Вот она.

Феликс повернулся в том направлении, куда показывала Вера, и его сердце понеслось галопом.

— Поппи?

Подняв голову и встретившись с ним взглядом, Поппи замерла.

— Феликс?

Глава 9

— Что ты здесь делаешь? — нервно спросила Поппи.

Она только вернулась из уборной. Ужарившись и устав от утренней пробежки длиной более тридцати этажей, она хотела уделить себе минутку, чтобы привести себя в порядок и выглядеть презентабельно, прежде чем пойти на собеседование с "Большой шишкой".

Теперь стоя перед Феликсом, который до потери пульса выглядел красивым в черном дизайнерском костюме с зеленым шелковым галстуком, и чувственной секретаршей за его спиной, она чувствовала себя неуместно.

Оторвавшись от стола, Феликс подошел к ней со сдержанным выражением на лице.

— Я здесь работаю, — ответил он ей, пристально следя за ее реакцией.

Поппи старалась не уронить челюсть на пол. Конечно, Феликс работал здесь. Это же издательский дом, и разве он не говорил, что работал в каком-то? Или именно в этом? Поппи раздраженно подумала, что судьба не могла быть более жестокой.

— Что ж... — Поппи опустила взгляд на пол, затем осмотрела комнату, неистово соображая, что еще сказать. — Была рада увидеться, — ответила она смущенно.

Секретарь, которая сидела к ней лицом, подняла бровь, услышав ее ответ.

В уголках глаз Феликса образовались морщинки, когда он улыбнулся так, что желудок Поппи совершил пару нервных кульбитов.

— Был тоже рад тебя видеть, Поппи. Между прочим, замечательно выглядишь.

Ее щеки согрел неистовый румянец.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Итак, я слышал, что у тебя собеседование, — напрямую заявил Феликс.

— Вообще то, да. — Поппи огляделась вокруг, надеясь, что, наконец-таки, появится мистер Брэдшоу и спасет ее из этого неловкого положения.

Должно быть, Феликс заметил ее намерения.

— Если ты ищешь мистера Брэдшоу, то он сегодня не придет.

Надежды Поппи рухнули, и она ощутила, как воздух покинул ее легкие. Она должна была признаться, что это была работа ее мечты и что, несмотря на бесчисленное количество написанных ею заявлений о приеме на работу по всему городу, именно эта должность была в приоритете.

— Однако, — продолжил Феликс, — он попросил меня как своего партнера заменить его.

Глаза Поппи широко распахнулись, и ей пришлось напомнить себе о необходимости дышать.

— Ты имеешь в виду, что будешь проводить собеседование? — "Судьба, ты жестокая сука!" Это было последним, чего она хотела или желала. Было и так достаточно плохо, что она столкнулась с единственным человеком, которого пыталась забыть. Еще хуже было то, что если она получит эту должность, то ей придется работать с ним. А сущим кошмаром было то, что именно он должен был решить, подходила она или нет.

— Именно я, единственный и неповторимый, — ухмыльнулся Феликс. — Пойдем. У меня в кабинете все готово. — Затем взяв ее за локоть, он провел ее мимо секретаря приемной, которая таращилась на них, разинув рот, дальше по небольшому коридору.

Он провел ее в просторный кабинет, обставленный роскошной мебелью в мужском стиле. Поппи взглядом скользнула с мебели на стену из панорамных окон. Дневной свет

лился в комнату, украшая полосками мягкого золота все поверхности.

Феликс протянул руку и жестом указал на небольшую зону отдыха в углу.

— Присаживайся.

Она подчинилась, однако ее внимание было приковано к голубому небу и возвышающимся небоскребам, усеявшим пейзаж в нескольких метрах от них.

— Хочешь что-нибудь выпить? — спросил Феликс, чтобы опять завладеть ее вниманием.

Поппи моргнула и сосредоточилась на нем.

— Эм, каков выбор?

Мужчина шагнул к небольшому бару, встроенному в панельную стену.

— Дай посмотрю. Есть водка, ром, виски, красное и белое вино. Если эти напитки для тебя слишком крепкие, то есть еще бутилированная вода, сок и чай со льдом.

— Мне просто воду, — ответила ему Поппи.

— Хороший выбор. Лично я считаю, что потребление алкоголя до обеда является очень хорошим индикатором того, что из себя представляет человек, с которым я имею дело.

— Почему у меня создалось впечатление, что я только что прошла какой-то тест? — с изумлением спросила Поппи.

— Наверное, потому что так и есть. — Феликс беспечно рассмеялся, наклонившись к небольшому холодильнику, который уютно гнезвился под барной стойкой.

У нее ком застрял в горле, потому что настоящим преступлением было то, как брюки натянулись на его заднице и подчеркнули мощные бедра. Мысли Поппи свернули на дорожку памятных моментов, воссоздав картинку, как выглядел его зад без штанов, и она почувствовала, как искра возбуждения начала разливаться по ее животу, направляясь все ниже. Быстро отвернувшись, Поппи постаралась сосредоточиться на чем-то другом, например, пассажирском самолете, рассекающем небо вдали.

— Потрясающий вид, — заметила она, затем ужасно покраснела, когда поняла, что только что сказала и как это, должно быть, прозвучало.

Феликс выровнялся во весь рост и наградил ее дерзкой улыбкой. Его взгляд медленно и чувственно изучал ее, из-за чего Поппи стало жарко, она почувствовала, как вся горела от желания и словно была обнажена. Женщина заерзала на месте, ощущая себя неуютно под пристальным взглядом Феликса. Как могло так случиться, что бывший любовник мог превратиться в будущего босса?

— Согласен. Потрясающий. — Прошагав по комнате, Феликс передал ей в руки бутылку и сел напротив нее. — Должен признаться, что был удивлен, увидев тебя здесь сегодня.

Поппи печально подумала, что это было мягко сказано, и кивнула в подтверждение его слов, открыла бутылку воды и сделала большой глоток.

— Но я рад. Мне не нужно будет тратить время на дорогу.

Опустив бутылку с водой, Поппи громко проглотила жидкость и осторожно посмотрела на него.

— Что именно ты имеешь в виду?

Феликс наклонился в кресле вперед и встретился с ней взглядом.

— Честно говоря, Поппи, я собирался приехать к тебе сегодня.

— Зачем? — с ужасом спросила она.

Подавшись вперед, Феликс накрыл ее руку своей.

— Я так и не поблагодарил тебя.

Поппи ошеломленно уставилась на него. И если быть абсолютно честной, то была немного разочарована.

— Это все? — язвительно поинтересовалась она. — Спасибо за секс? Было весело? — Отдернув руку, она постаралась увеличить расстояние между ними, насколько это было возможно, но из-за ограниченного пространства смогла увеличить его совсем на чуть-чуть и отвернулась, отказываясь даже взглянуть на него.

Соскользнув с кресла, Феликс стал перед ней на колени и поднял руку к ее лицу, чтобы заставить ее встретиться с ним взглядом. Поппи потребовались все силы, чтобы не потереться щекой о его ладонь, и глаза Феликса полыхнули, поняв это.

— Ты не дала мне закончить. — Большим пальцем руки он поглаживал ее кожу, когда произносил эти слова, и Поппи закрыла глаза, наслаждаясь проявлением его нежности. — Спасибо за ту ночь, за то, что показала мне доброту и напомнила, как хорошо делить себя с кем-то.

Глаза Поппи медленно открылись, и она уставилась на него.

— Не уверена, что понимаю тебя, — сказала она, слишком боясь надеяться.

Раздвинув ее колени в стороны, Феликс встал меж ее бедер и обхватил руками талию, притягивая ближе к себе.

— Я хочу сказать, что потерял много времени, избегая серьезных взаимоотношений, но устал убегать. — Заложив ее непослушный локон за ухо, Феликс наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

Сердце Поппи бешено заколотилось, когда до нее дошел смысл сказанных им слов.

— Я все еще не понимаю, к чему ты клонишь, — ответила она ему, желая услышать от него слова, в которых она отчаянно нуждалась. — Думаю, тебе следует изъясняться более понятно.

Феликс самодовольно улыбнулся и наклонил голову так, что его губы почти касались ее рта и их теплое дыхание смешивалось.

— В тот день ты что-то сделала со мной, Поппи, — произнес он низким и хриплым голосом. — С тех пор я сам не свой. С самого утра и до поздней ночи я думаю только лишь о тебе. Я хочу тебя, Поппи. Нуждаюсь в тебе.

Сердце Поппи воспарило, словно стая голубей, выпущенная из клетки на волю. Все, что он сказал, прозвучало правдиво и тронуло ее за душевные струны, наполнив радостью и надеждой, которая грозила погубить ее.

— Скажи что-нибудь, — попросил Феликс, на его лице появилось обеспокоенное выражение.

Что бы она ни сказала, это не смогло бы описать ее чувства. Она не помнила себя от радости. Вместо того, чтобы пытаться подобрать слова, описывающие бурлящие в ней чувства, она бросилась ему в объятья, обняв руками и припав к его губам. Феликс ответил с таким же пылом, откидывая ее обратно в кресло, овладевая ее губами. Его язык проник к ней в рот, и их языки переплелись.

Поппи часто и тяжело дышала, когда Феликс поцелуями прошелся вниз по ее горлу к груди, в это же время пальцами он нащупал край ее платья, запустил руки под ткань и сжал ее бедра.

— Итак, это часть собеседования? — спросила она, запустив пальцы в его волосы.

Отвлекшись от ее груди, Феликс поднял голову и страстно посмотрел на нее.

— Это зависит... — ответил он, облизнув нижнюю губу.

— От чего? — поинтересовалась Поппи, проследив взглядом за движением его языка.

— Как часто мне можно будет заниматься этим.

Расположившись бедрами на краю сиденья, Поппи ощутила, как его твердый член прижался к ее клитору, из-за чего ее трусики тот час же промокли.

Она тяжело дышала и схватилась за его бицепсы, чувствуя, как под ее пальцами напряглись мышцы.

— Вы меня удивили, мистер Синклер. Никогда бы не рассмотрела в вас "плохиша".

— О, уверяю вас, мисс?..

— Монтгомери, — добавила Поппи, ее рот приоткрылся, когда его пальцы проникли под трусики.

— Мисс Монтгомери, — прохрипел Феликс, скользя пальцами по ее влажным складочкам. — Я могу быть настолько плохим, насколько только пожелаете.

Закусив губу, Поппи сдержала срывающийся стон, когда Феликс стал поглаживать ее вход.

— Расскажите, мисс Монтгомери, если эта должность достанется вам, как часто вы будете позволять мне заниматься этим? Раз в месяц? Раз в неделю?

Его палец резко переключился на клитор, и все тело Поппи задрожало в ответ.

— Да, — почти прокричала она, ощущая, как ее тело дрожало, приближаясь к кульминации.

— Да, в каком смысле? — настоятельно спрашивал Феликс. — Один, два раза в неделю? Чаше?

Он подвергал ее пыткам, поглаживая большим пальцем руки ее припухший клитор, а другой его палец находился в нескольких миллиметрах от чувственного места, изнывающего по его ласкам, но не дарящего того наслаждения, которое она жаждала.

Подняв бедра, Поппи попыталась сама взять то, в чем нуждалась, но Феликс позаботился, чтобы у нее это не получилось.

— Мне нужен ответ, Поппи, — продолжил Феликс, все интенсивнее лаская ее пальцем.

Не преуспев в желаемом, Поппи посмотрела на Феликса, прищурившись.

— Каждый день, — ответила она сквозь стиснутые зубы, а затем закричала, когда Феликс погрузил в нее два пальца, она рассыпалась на части в его руках.

Она все еще дрожала от испытанного экстаза, когда Феликс расстегнул брюки, чтобы освободить член. Прежде чем войти в нее, он навалился на Поппи, наклонился к ее уху и хрипло сказал:

— Я беру тебя на работу. — И толкнулся в нее, двигаясь медленно и расслабленно, что обещало несказанное наслаждение на многие дни и ночи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

Теодор Роберт (Тед) Банди (англ. Theodore Robert "Ted" Bundy) — американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы.